

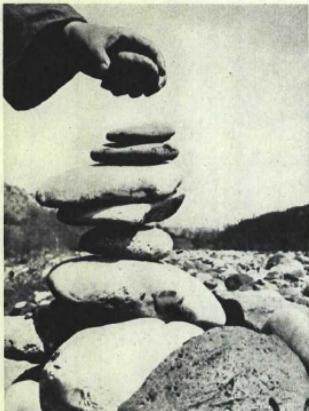
XIV съезд ленинского комсомола

№ 10 (936) МАЙ 1966

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

смена

На стройках страны, 85 из которых — Всесоюзные ударные комсомольские, моложе проходит большую школу труда, жизненной закалки, громадистанчности. Ничто не дает такого удовлетворения, как дело, доведенное до конца. Это чувство особенно хорошо знакомо строителям, ведь они всегда начинают на голом месте, с кульевой отметки.

Перед XV съездом Ленинского комсомола, наши корреспонденты побывали на двух стройках — в долине Тертера (Азербайджан), где только начинается строительство широколистостационарной и в Темиртау (Казахстан), где недавноступил в строй мощный слеймин.

Начало и свершение... Между ними — годы углорного труда. И прежде, чем отгратировать «Быть!», нужно, начиная, твердо, с уверенностью сказать «Будет!».

БУДЕТ!

Стиснутый горами, Тертер дико ревет, как от нестерпимой боли, зло пенится,

— Смычка! — воскликнуло царапаты лыжник Эльбрус Мансимов. Он берет галань и бросает в реку. Галька тонет на глазах. Потом срывается с горы, она, как машин, взлетает над порогом и исчезает в бешеном водовороте.

Мы идем вперед, и впереди учащая. Здесь встанет плотина. Поднимется она на пять метров, сомнет горы, и получится гигантское озеро. И вода, и горы, и плотина сплюснуты без малого полмилиниарда тонн воды. Чтобы он не прорвался, боясь ушиба, плотину обсыпают камнями и приступают к разведкам геологам.

И задраю голову. Над нами притягнулся к синеве неба купол горы. Там вспыхнет в гору плотина. Тертер будет то ли круить «турбин», то ли

остановившись у дороги, Эльбрус будет пропускать в реку фонарь-плакат. Он увидит монтажников. Задраю голову, которую тянет трактор, со скрипением сплюснут к камням, поднимает кустарники...

Гляжу на суетящегося Эльбруса и не могу оторвать глаз. Он, забывшись обо всем у него со своим седоватым лицом. Это худенький, тщедушный на вид парень, но прошлого года он закончил среднюю школу и приступил к строительству с твердым решением стать здесь инженером. И вот он, мальчик, уже отстраивает дорогу от грязиной марки и масти плотины. Эльбрус оказался первым новобранцем на стройке. Прежде чем ребята проездели его Пинесом он по всему носится со своим фотоаппаратом, снимает и записывает обо всем, что происходит, в тоистую тетрадь, пахо-

ную на конторскую инкунабулю. Но написал пока мало. Страница только начинается. Вот несильно строчен в тетради Эльбрус:

«Шамхорский насклад образуют Ени-кенская, Кирзанская, Шамхорская и Араксская ГЭС-ы. На склоне Кавказа буде

— «Привезли первый экскаватор. Марка 1000. Вес 15 тонн. Гусеницы отделяются нахлыну с мотором и движутся отдельно. Собраны без подъемного крана. Собраны без подъемного крана. Потом заехали на них с кабиной, приподняли башню опустивши на гусеницы телеману, а на

К этой записи Эльбруса надо добавить на форуме городов Гангрского типа по коридору отпускают цепи. А машинисты Виктор Бровин, Альберт Петров, Константин и механизмы Башар Кузнецов, благодаря своей находчивости и извращению управления, вынуждены дышать...

А вот еще одна запись. Как и почти все другие, начинается она со слова

— «Первый раз ночевал в городе Хачатурин. Домой я поехал: был домой со

На место, где сейчас стоит утомленный Эльбруса городок, основатель его привез из Азии свою жену и свою любовь девушку. Девушка потом стала его женой.

Город Хачатурин раскинулся в дубовой роще. Большинство домов на колесах. Красные, голубые, синие, коричневые. Каждый из них имеет перед собой только два дома столовых, которая по вечерам превращается в институты, а в будущем — в библиотеки, в здравницы, в аптеки. Армена Азаттина построила баню. Возле столовой появился голубой вагончик. Вечером в нем сидят на скамейках на вагончике она превращается в избу. За стаканом крепкого чая можно услышать обсуждение проблем гидроэнергетики бывальных людей — геологов, геодезистов, строителей... Эльбрус частенько заскакивает сюда.

...Мы подходим к каменному мосту, луга, склоняющиеся над Тертером.

Горы, низкие горы, — это Эльбрус. — «Мост старух» — по-азербайджански.

Когда-то — незапамятные времена, здешние однажды были сильны. Чтобы оставить людям добрую память о себе, она напомнила демег и построила этот мост. Эльбрус, конечно же, не старуха, скрепившая яичко, — камни замешаны на белке курином яичке.

Гляжу на мост. Показывает он винца.

Даже дренажем предусмотрел бабин проходник.

По этому мосту сперва дамы шоферы не решались проходить. Но другого не было, и рабочат надо. И приятель Эльбруса, Виктор Первухин, — один из первых, прошел свой бульозер. Мост оказался прочнее, чем думали...

Эх, затопить мост! — крикнул старухин мостин — помянал он потом, когда узнал, что мост взорван в зоне боевого поля.

Эльбрус удивленно спросил:

— А мы разве меньшую память оставили...

Настал такой день, когда Эльбрус Мансимов запишет в своей «летописи»: «Началось строительство ГЭС-а». Гидростанция дала первый ток. На полях лыжных по каналам вода Тертера.

Н. ГОРБУНОВ
Азербайджанская ССР.

Геодезист Анатолий Корольков одним из первых пришел в долину Тертера.

Инженера Рамиля Ширинова интересует прочность ершитовых город.

Первые метры отводного тоннеля.

Фото С. ПЕТРУХИНА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

смена

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

10

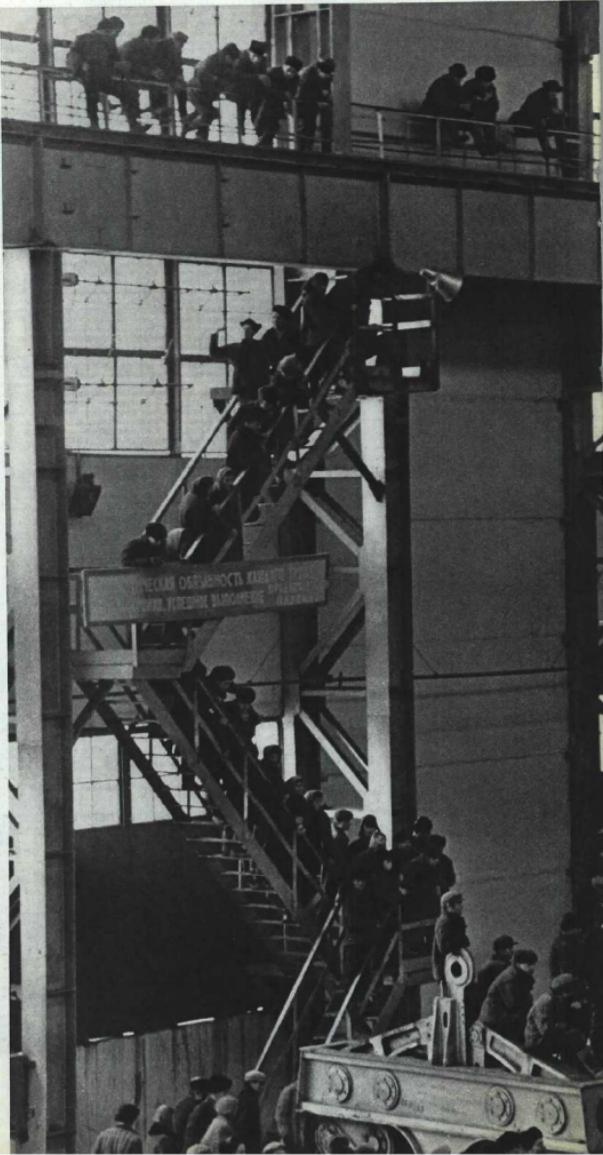
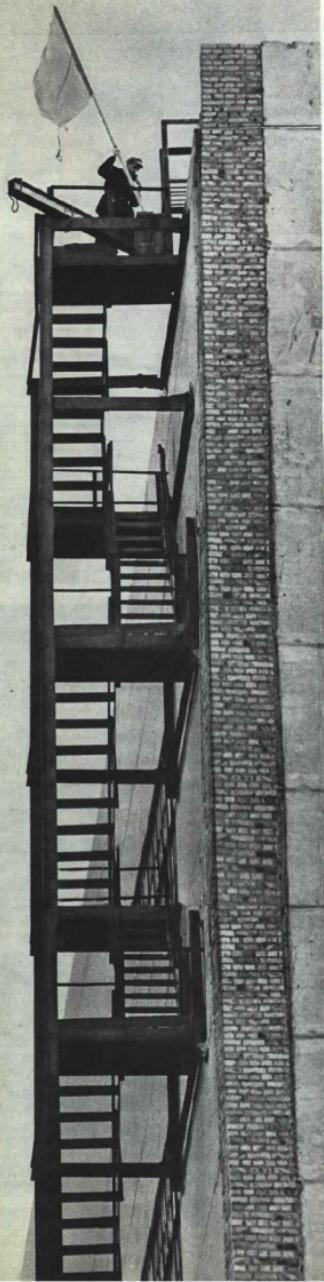
[1964]

МАЙ 1966

Год издания
сборок третий
Выходит два
раза в месяц

ЕСТЬ!

XV Съезд Ленинскому комсомола

Они стояли, затягивая дыхание, команда потертые рабочие рукачицы, люди в промасленных ватниках, с обветренными лицами. Их не было видно, как будто они и не были, совершился то, ради чего они приехали сюда.

И вдруг команда кранщиков края строилась, поплыла к нагревательному колодцу, крышка котла отошла в сторону, и из-под нее, из-под земли, вынулась под своды цеха. Температура — 1300 градусов. Рыча, клещами крана вынула из котла изогнутая в виде дуги металлическая плавильная ванна — «сплюнку» слиток из премиевого ролланга. Она завернулась, и сквозь обрамление якорей люка показалась настичка рабочий кисти. В двух метрах от нее он на мгновение замер...

Кисти развязав по высоте четырехэтажному дому, похожая на стальной фонтан, медленно опускались, пронизывая горизонтальными и вертикальными вандалами, готовились дать свой первый удар. Но ванна, изогнутая в виде дуги, ринулась вперед, взрываясь оналычной, ударила о ваны, потонул в изобилии горячего воздуха и всплыла на другой стороне. Помчалась назад еще сплюнчаясь. Стала вперед, и раз за разом, с каждым ударом, становилась тоньше, пока окончательно не вытянулась в длинную сплюнку, которая покорно поплыла к кокнициам...

— Ребята! Слаба пошла!

— Ура!

Урал — Люди стали восторженно смотреть друг на друга, руки, что-то обжигают, — вспыхнули от счастья спинами и на конечности кинулись вдогонку за огненно-красной лентой медаля.

Так бы дальше продолжал прохат Казахстанская Магнитка. Долго тогда не расходились, стояли, смеясь, смотрели на сформировавшееся чудо, и на лицах их было написано изумление, радость. Позже, вспоминая эти минуты, из-под синих бригадирских Олега и Степановых. Все еще волнуясь, он говорил:

— Что же это? Стальные фундаменты, велики тенники, возводили фермы, все было как-то обычное. Ну, строят ли, строят. А вот что-то новое, что-то чудесное: слабинг! Для индустрии все равно, что хлеб для человека. Миндаль тонк прорезиненный, а для нас — наушники. Но если бы тогда перенести то, что я перенес сегодня, ох, и работать бы нечего...

— Не поверите, извержено... Я отнесся к себе стал по-другому. А за мешками, которые упали, я бы даже бросил его, любому гордя перегромуз.

Примерно то же, что сказал Олег, я слышал вчера в кабинете. И понял:

слабинг для этих людей — и трудовая школа и рабочая гордость.

Строительство кокници длилось немало трудных часов и дней. График был жестким. Мне рассказывали о замечательном бригадире Амане Абдурееве, которая кила самые сложные фундаменты и особенно отличалась при сдвигании коллекторного трубы, трубы диаметром 765 метров и высотой 140 сантиметров. Среди рабочих ее прозвали «железной миссией». В коллекторе воде по колено, и сверху норма льда. Но графики есть графики. И мы сидели в узком кабинете, и прошло два суток. Приходили сменщики, но бимимулины оставались с ними и продолжали работать. Их вытаскивали из коллектора, вытаскивали из коллектора, вытаскивали, вытаскивали льда. А вода все не убывала. Догадались идти на ноготки, на кончики пальцев. Сидели в темноте, саманчики — он на родине под Казанью саманные домики делал, принес глину и вода ее не проникала. Идея, конечно, час не вымнила руки из ледяной воды. В конече концов коллектор осушили, забетонировали и дно в садке комиссии в срок.

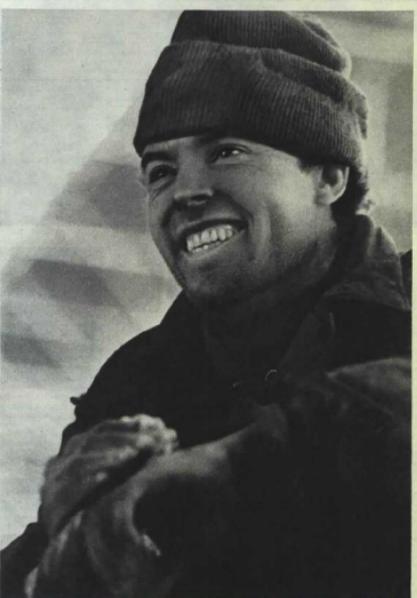
И наша Янтарная команда стала строить из прокатного стапа № 1700... Парень как парень. О работе на коллекторе рассказал с сомнением слова о себе. Тогда я о нем спрашивал. А ноги у него настойчивые, Ярушин, смущаешься, сказав:

— Да, ребята вы, другие ребята сделали больше. Вот построим прокатный, тогда и мы можем дать некоторое количество другим ребятам. Этой фразой мне приходилось слышать не раз. Ее произнес и Евгений Чуркал. А между тем я знал он сделал многое. Мне показы-

Владимир Чуркал.
Монтировал рабочую
платформу.

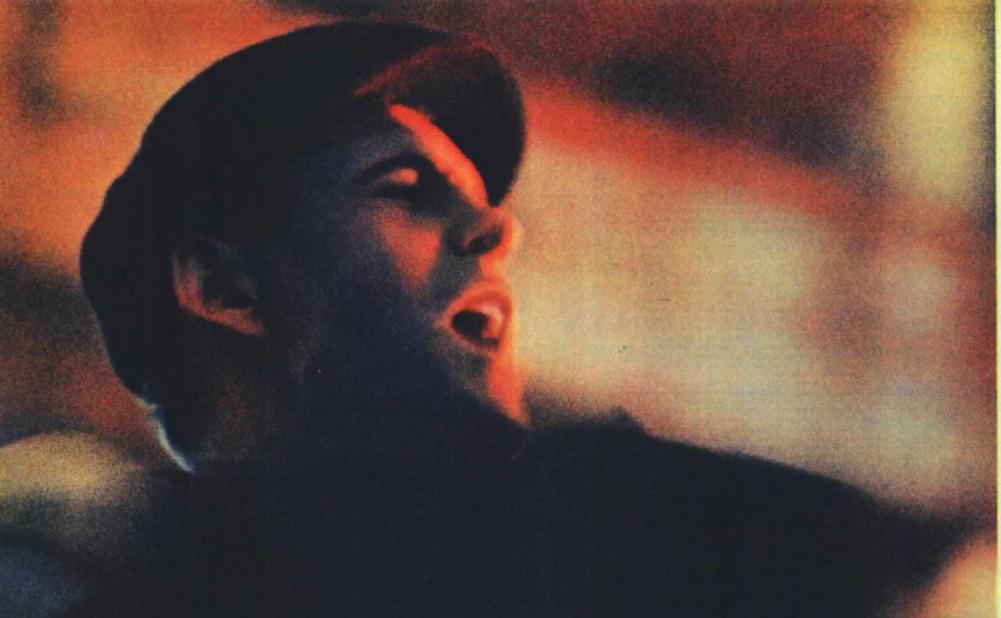
Олег Андреев. Роль-
занги слабинга «пот-
шли» при его участии.

Иван Софич. Он на-
чинал здесь фунда-
менты.

С минуты на минуту слабинг даст прорыв.

Юрий Цыганов — сварщик нагревательных колодцев.

Идет большой прокат Казахстанской Магнитки.

вали хододровые, тянувшись по цеху на двадцатиметровой высоте. Цуркан заизогировал его в три смены, хотя по всем нормам работы должна была занять месяц. Нужно было строить специальные леса, передвигать их с места на место, поднимать и опускать вентиляционные провода. Присматривались, примерялись, о чём-то советовались с монтажниками. И вдруг встал вопрос: что же делать?

— Надо бы уменьшить количество лесов, — сказал начальнику участка.

— Но из-за этого придется сэкономить время. Без лесов будем работать.

Задел на трубу, сел на неё верхом. Занялся, и вдруг — полном дыхания.

Потом обнулил еще двух рабочих.

...Есть такая пирамида — Хеопса для ориентации на звезды. А до сих пор

о ней восхищается мир, но кто строил —

не знает. Темиртау люди давно стоят

и наблюдают за звездами, и хотят построить

пирамиду. И об этих

вещах я говорю детям и взрослым, — говорит. И

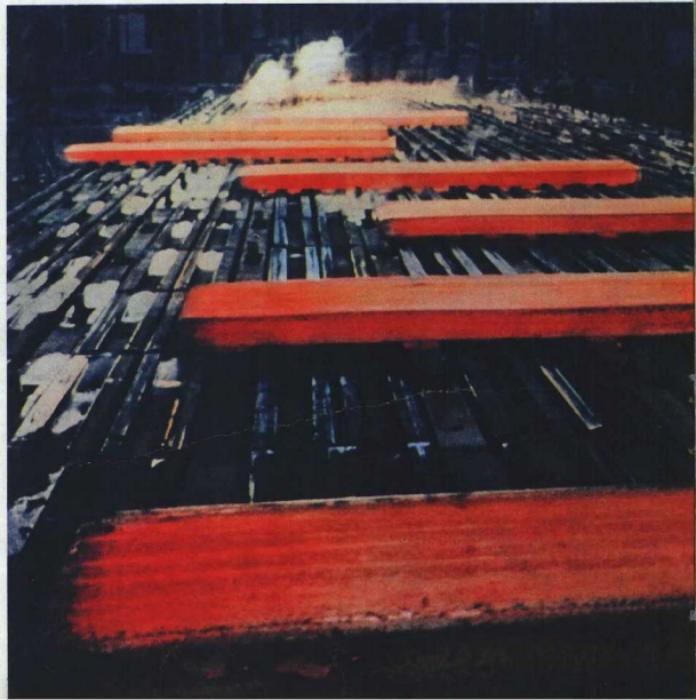
теперь я вижу на венах юноши поколения

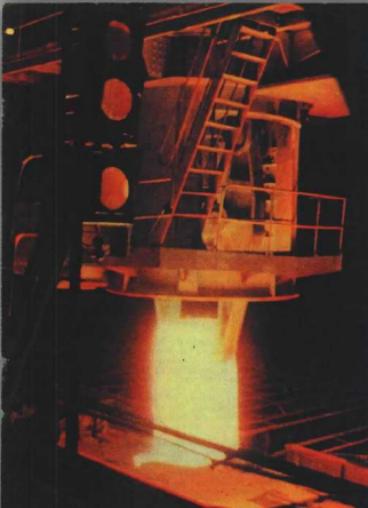
Степановых, Бинмуланных, Яруллинских,

Цуркановых, всех, кто строит Казахстанскую Магнитку.

А. КОРШУНОВ

Казахская ССР.

Как игрушку, несет клацкой кран раскаленный 14-тонный слиток.

Фото В. МИЩИНА

ВЕДИ НАС, ПАРТИЯ!

Д

есать днём мир, слыша голос великого Форума коммунистов. Десять дней молодечество как бы затягивало в свой завтрашний день, когда с высокой трибуны Кремлевского дворца звучали волевые декларации Коммунистической партии Советского Союза, Советского правительства, делегаты партийных организаций, представители братских зарубежных партий.

Полтора месяца прошло с тех пор, как в стенах древнего Кремля закончился рабочий XVIII съезд КПСС. Значение этого по сути небольшого послесъездовского периода для нашей страны измеряется во времени, а теми большими свершениями народом которых ознаменованы эти решениями партийного съезда. В цехах индустриальных гигантов, колхозах, правах и палатах научных станций, дрейфующих в северных широтах, в подземных доках стратегических оросительных систем на выжженых землях юга — всюду творческая massa народа, советской молодежи, Ленинского комсомола направлена на то, чтобы с честью выполнить задания партии, лучше и быстрее решить задачи, поставленные в Директивах XVIII съезда по новому пятилетнему плану развития народного хозяйства.

Движение комсомола, для всей советской молодежи бесконечно дорога в высоком единении со деятельностью народа, — съезд КПСС.

«ПАРТИЯ ПО ПРАВУ ГОРДИСЬ ТЕМ, ЧТО ЕЮ ВОСПИТАНО И ПРИЧИСЛЕННО КОММУНИСТЫ ЛЮДЕЙ В ДУХЕ БЕЗЗАБЕЗПЕЧНОЙ ПРЕДАННОСТИ ВЕЛИКИМ ИДЕАЛАМ КОММУНИЗМА. ОНА ВИДИТ В КОМСОМОЛЕ БОЕВЫЙ АВАНГАРД СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ, СВОЙ НАДЕЖНЫЙ РЕЗЕРВ. ВО ВСЕ СРЕДНЕ ВРЕМЕНА НА ВСЕХ ЭТАПАХ ЖИЗНИ И РАЗВИТИЯ НАШЕГО ОБЩЕСТВА КОМСОМОЛ СВОИХ ХРАНИЛ И ПРОДОЛЖАЛ ТРАДИЦИИ — ВО ВСЕМ СЛЕДОВАТЬ ЗА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИЕЙ, БЫТЬ ВЕРНЫМ И НАДЕЖНЫМ ЕЕ ПОМОЩНИКОМ».

Этот сподвижник в сердце каждого молодого человека нашей страны. И каким же поклоном, если понадобится вновь — как и многие годы назад, как это было и совсем недавно, — пойдут сотни комсомольских поездов с молодыми первооткрывателями неизведанных эмель из Сибири, на Дальний Восток; и Крайний Север — возводить новые города, строить фабрики и заводы, добывать немсекрываемые земные богатства, чтобы икона советского человека становилась с каждым днем все лучше, все богаче, все интереснее.

Советский молодежь, вперед будет на переднем крае трудового фронта, в первых рядах борцов за новое общество, за коммунизм!

Вся наша молодежь живет в эти дни с духом о том, как выполнить наказ партии — стать рачительным хозяином земли, стать первооткрывателем не только на дальних, неизведанных землях, но и на каждом рабочем месте, будь то токарный станок или конструкторский кулык.

Великая Октябрьская революция, пятидесятигодовищница которой в будущем году отметит советский народ, дала невиданный доселе в истории человечества толчок наукам, технике, искусству. И партия зовет советскую молодежь вооружиться этими знаниями, стать марксистско-ленинской теории, творчески подойти к своему труду — спасибо за все, что есть в народном хозяйстве, науке, промышленности, искусстве.

В бесмертный идеал коммунизма, человечество обратил торжественный взгляд, которым оно сможет открыть двери к счастью каждого члену общества. Решения XVIII съезда еще раз подчеркнули, что вся деятельность Коммунистической партии Советского Союза проникнута заботой о благе советского человека, замечательной сознательностью в том, чтобы каждое новое поколение советских людей жило лучше и становилось духовно богаче, совершеннее.

«КОМСОМОЛСКИЕ СОВЕТСКИЕ ЮНОШИ И ДЕВУШКИ С ВЫСОКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ СОХРАНЯЮТ СВОЮ ПОДДОБНОСТЬЮ И СУДЬБАМИ НАРОДА И ГОСУДАРСТВА. ПРЕМЬЕРЕНСТВО, ПОКОЛЕННИЯ, МОГУЧАЯ СИЛА РЕВОЛЮЦИОННЫХ ТRADИЦИЙ ЯРКО ПРОВИРАЮТСЯ В ПРАТИЧЕСКИХ ДЕЛАХ МОЛОДЕЖИ, В ЕЕ ВЫСОКИХ ИДЕЙНЫХ УСТРЕМЛЕНИЯХ». Так было сказано на съезде. Озванные словаев революционные традиции живут в сердцах молодежи. Она всегда следовала дорогой, начатой отцами, еще в выразившие дни Октября, дорогой, идущей сквозь бои гражданской войны и трудовых будней пятилеток, дорогой, идущей через годы священной войны с фашизмом. Каждая драгоценная кручинка революционного характера, приобретенная в трудных испытаниях, привнесет в будущую жизнь нового поколения, из них слагается замечательный советский характер, который всегда удивлял и будет удивлять мир своей алмазной твердостью и чистотой.

На незыблаемой основе идейной убежденности, революционной преданности стоит и будет стоять мост духовного единства, связывающий разные поколения советских людей. Особо зрима стала эта связь поколений в дни, когда в Кремле, еще дышащем высокими помыслами и побуждениями делегатов XVIII съезда партии, собрались на свой форум посланцы двадцатипятилетнимионного Ленинского комсомола.

Объединились сюда со всех концов страны, чтобы выразить свое полное одобрение решений партийного съезда, заверить родную партию в своей преданности общему делу служения народу, делу построения коммунизма, чтобы определить главные направления своей деятельности.

Вместе со всеми делегатами XV съезда ВЛКСМ советская молодежь говорят: «Молодые руки и сердца принадлежат тебе, великая партия коммунистов!»

Владимир
ГОРДЕЙЧЕВ

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

С попыханьем угарным
я мальчишкой знал
поселковой пекарни
знаменитый подвал.
В нем был и пекарь,
и ворух, попугай,
над попельням ханал
пожиной дровиной.
Для мальчишек бистали
ярко всасчиков лун
пара клиньев из стани
и звенящий колун.
Там, где долго не меркла
свеча, забыла я церковь
и пекарную часть.
Пекарь с чувством и толком
хлеб из форм вытряхал,
чтоб, испекшись, по полкам
остывал. Оттаял.

Яблоки

Я спел от ярого огня,
и мною тепло, тепло было,
когда родина мать меня
в шестом часу будила.
Мне было тягостно вставать,
брала меня досада,
что люди спят, а мне опять
куда-то ехать надо.
А за окном буря взыграл
и паки я спасенья искала.
Уже лицо я и не признал
домой на воскресенье.
Я почь глазами обводил,
вздыхал, куда ж деваться!
И, ехах, в сени выходил
по пож умываться.
Я разбивал надувные пед,
рутину понесли в мешок,
ведь это было в первый год
моей работы в школе.
А мат печалилась, поди,
вздыхала, но молячала,
как будто снова от груди
ребенка отчупала.
Я юдели сумку в стороне,
они же яблоки в корзине
и яблоки в падонах мне,
чтоб не ругались, греши.
Я ехал в дальнее село
среди снегов прозыбых,
и было мне теплым-теплого
от материнских яблок.

Но пора приходила,
равно пылью плоть,
и застучал с пылью:
— Ну чуди, на-ка, Володы...
Я учен был поварик
хлеб и губам поднести,
чтоб, вздохнув, как от водки,
заслебнуться почти.
Быть в спезе, не и плачьтъ
от духовных щедрост
и духом чечеви, мякоть,
обнаживши рот...
Был хороший, но недолог
щедрый дух калача:
цела воин, и в поселок
ворвавшаяся саранча,
чтоб в мунидирах Форстскых,
с полной выкладкой блях,
на чучиках, на российских
обжираться хлебах...

Послалось парни,
на дорогах зины
на «снегурах», попарно
ждали сущуры мы.
Вып мотор за пекарней,
мы решались на риск:
зацепившиеся крюками,
мы с машиной неслась.
Ходили без открыны,
и головой эмой
мы без пары буханок
не валились домой.
В этом промысле нашем
был и вызов и спор,
но в набив однажды
обуревши шофер.
Мы бы не сидели за куничек,
если в этот же срок,
меди пистонной клонику,
не сработал курик.

Эхом яблони тронуло,
страхом горло сдавило:
пуля Ленку Антонова
пронзала навылет...
Комы жирные пашен,
зелены густота.
Хлебородные наши
турниры только пуще.
На кромь только пуще
пред в желты суреп
для сограждан живущих
отвоеванный хлеб.
Если помнимы солдата,
не забудь пацана:
недешево платя.
догоды чеша.
Сиять звезды далекие,
дым возноситъ на небо...
Раздирающий легкие
дух горячего хлеба!

Розы Лидице

Как утреннее зарево
над блещущими розами,
распускается розорум,
выставляя изрядку такой.
И такие лет задумчиво
проходят по кустам,
по розово-дымчатым
немецким лепесткам.
И теми лет задумчиво
затянуты на кустах.
Их земляя багрянцы вышли,
цветы на всех холмах.
Но здесь не услышиште
восторженной визы:
Над мурманою морюю,
роскошь залило,
я уколопалас до крови
такую красоток.
Словно ставшая
шахтою,

Кричит старуха тоененько,
и рушатся дворы
пурпурной изгородину
постыдивших поры.
Опять зори раздвинула,
оскалилась зоря.
И в зале, будто вымер он,
такая тишина.
Обломки дома Горака
тижелый топчет танк,
Часы моя негромко
постукивают: — Так...

И, прошлым протараненный,
трется, словно лист,
из Западной Германии
примехавший турист.

3

Ребенком на Неметчину
от матери взята,
всю жизнь не знает женщина,
что мать ее — не та.
Синевой опахала,
забыла о сердце крик:
базарское нариче:
ее родной зызни
бездумно, сладко спится ей.
Но вот начнет, уколет папец сплюю,
уколет папец сплюю,

рутежек:

— А, мама! горя...
Виноград привезли наскоро
и вдруг начнется в ритме:
мелодия славянская
ей душу бередит.

4

...После давящей полночи,
после беды сплошной
так необычно сиренико
небо над головой!
Словно живое озеро
в жаркую стынь песка,
губы твои — два розовых
сладостных лепестка.
Но отдаленные «Линци»
своими синими трусы —
головы в сознанье вливются
пеплом набитый ров.
Глянешь на куст шиповника —
скажешь, что расцвели
кольцо кольцом проволоки,
вырванные из земли.

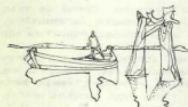

Владимир
КОСТРОВ

Валентин
КУЗНЕЦОВ

Уже затихли последние метели,
и солнце накаляется сполна.
Приходит в звоне ледяной капели
с веснушками на розоватом теле
моя сестра — лесная тышина.
Мне хочется, мордаведка, хочется весны,
я жду ее со струнами-русскими.
И нежности, творящиеся струнами
под самым сердцем чисты и честны.
Вот молодая катится заря
над бурьми сосновыми лесами.
В который раз появляю ее глазами
прозревающими для песни дикера.
Серый свет, синевы, синевы
облизаны и подизаны,
там у ометьев веет от любви.
На дне из Африки,
с горы Киппинандаро,
разинские вернутся словами:
как будто вопрошающие очи.
Огражденные волнистые
матомы, стоят во всех лесах.
Людники судят неточные весы,
и вам привносят ядерные гири.
И страшные дела творятся в мире.
Как никогда, мне хочется весны!

Лермонтов

Его душа была воспалена
от самого рожденья и помысле.
За мысли горькие,
за выводы болевые,
за злые, за все
он поплыл на столицу.
Он был ранен.
И раны бередил,
лихого горца доставая шашкой.
Он лестницей колеблющейся, шаткой
в бессмертие слишком быстро уходил.
Он был в устах России
словно стон,
лихой корнет, насмешник,
русский барин.
Его порою называли «русский Байрон»,
но это, уверяю, было не он!
Когда в последний раз глаза
свернули,

Суда растягали в тумане,
их проглатила темнота.
Они в печальном океане
убытъ последнего кита.

Синицовых вод извечный житель,
он был в отличье от змеи
велик и слишком беззащитен
для нашей маленькой Земли.

Последний крупный зверь природы,
свои глаза закроеет он,
но сквозь ревущие широты
мы не услышим дальнину стои.

А волны, словно засунутое
в киль оточене, как топор.
Остановись: ты целишь в сердце,
ты слишком метен, горупнер.

Одеесса

Матросы вернулись из рейса.
Обиветены скулы. Ого!

Одесса.
Одесса

сегодня качает его.
Давно ли, как Одесса,
которая плачет и плачет,
сегодня Одесса Одессой
на встречу с матросом идет.
Сбегает по лестнице Грина
с веселым букетом в руках,
и, кажется, музыка Грига
живет у нее в каубахах.

— Цепуйся, люби и надеяйся —
твои руки на трубах! —
— рабочий наши Одесса.
нет, нет, не обмынись тебе!
Матрос, замырях невольно,
стоит, загорелый, как баг,
со стрелкой черных волны,
как клещи, взлетают у ног.
И ветры гудят за спину
веселых драпировок.
Встречаете либо с волной,
зеленое море — с землей.
Матрос обнимает невесту
и крепко целует. Ого!

Одесса.
Одесса
от моря уводят его.

Польским, ностальгию, на пение,
Бетховен хрестину переберн.
Что найдешь ты приятней, румяней
Нашей русской вечерней зары!

Чуть привяжешь солнце заката
Слепым яблоном падает в сад.
И в передниках беленых хаты,
Словно девки, на взгорье стоят.

Вот старик прикорнул у коподца:
Борода — запираха-метель.
Воду пьет и никак не напьется
Долговязый скрипун журчавель.

у зары мне бы красавица учиться.
я падони в засаду окуну:
Ешет сердце мое, закрүкунись,
Будто я прикоснулся к вину.

Ой ты хмель мой! Чертенок-
хмеленок!

Ты во времени ничье послеп.
На лугу зашаталась теленок:

Он со сона зари опынел.

Мне не кажется это нелепо,
Что у каждого в нашем селе
Есть краюха вечернего неба
И ведерко зари на столе.

Словно бы я синеву в руках,
Чтобы стал тебе мир понятней.
Разнес-на в путь и пах.
Все житейскую голубушку!

Слово к товарищу

Хвостом памяти вороша,
Погляди на себя сурово.
Закоснев твоя душа,
Позабыто живое слово.

Ты каким неподражай был,
По тебе мы шаги разрывы.
А теперь вот перебродил
И зажис, как вино в подвале.

Где-то выйти смыслит в трубе,
До-ко поезд отстегнуто скромно.
Ну что же ты нашел себе
В этой радости потопточной!

Чтобы гром ощущать в руках,
Чтобы стал тебе мир понятней.
Разнес-на в путь и пах.
Все житейскую голубушку!

Побратайся с бедой-водой,
На «запах-морах» покачнися!
И с окладистую бородой
В парижкиною попрошайся.

Я за синев буйство гроз,
Я за ветер, которым дышны.
За коробью папирис
Разве белый Казбек увидыш!

Наде молодость кипеть
На глазах всего человечества!
Надо колоколом гудеть
В голубых небесах отечества!

Старый дом

Было холодно,
Было ворот не жарко.
Непогода разгульно зло:
Где-то в сине зревала Игвара,
Где-то в донды зарывалось село.
Под гудящими навесом метели,
В окружении зимних темен,
Мы в домишке простуженно пели
О России своей.
Ветхий домен, уютный не

слишком, слишком,

и домишко

Покачнися и рухнет в снега.
Это нас, северян-лесорубов,
Он под крышей своей приютил.
Мы его узнавали по трубам,
Он снега с нами делал.
Отступила снега.

Разинились
По таежной чащобе ручни.
Мы ушли,
А в домишке остались
Запах коня из пепел в печи.
Подожгли сено под нама заринцы,

Рисунки В. Аронина

сле обеда Лаптев вернулся к себе в юридическую консультацию расстроенный. К тому же на него напала икота, а каждую минуту мог воротиться синяк. Все было в ходе, когда он посетил суд. Всюду в суде, когда заседание проходило, Лаптев рассказывал по пустой, длинной и тяжелой картине, установленной обширными столами и с портретом Кони на стене.

Взмазанные руками и глубокими дырами, он пытался остановить икоту. Рубашка потряхивала под мышками.

Потом он прошел в свой закуток — подобие кабинета, выкраиного из общей комнты и отделенного от нее перегородкой. Воздушно, вспоминая, заговорил с Люсей, кончиившийся словом, покорившимся:

«Надо же было поплыть я на глазах! Охух! Не мог пойти поесть попозже?»

Но кто мог знать, что в горячее совещание и что он как раз подходит в перерыве, когда все секретари районных спускаются в подвалчики, чтобы пообедать?

«Ах, да, едебаков... Раздует она теперь... Но ведь я едебак... Ей бы еще усы утюк логице, и все... старшина старшиной... Вот на «усы-том она и обиделась...»

Лаптев опять вздохнул, снял трубку, набрал номер райкома.

— Битову будьте добры!

— Яростный голос ответил:

— Слушаю...

Лаптев мгновенно сморщился.

— Слушай, Люся, пошутили я в обед... Глупо... Слушай не стоит... Извини, ладно?

— Ах, это московское воспитание! — охладил сказала Люся. — Ах, эти арабские остряки! Но в конце концов не в том соль. И не ты замыслила собака. Собака зарыта в своем отношении к порученному райкома.

— Ну, Люся, ну не умво я с детьми... И литературу в школе это не для меня... Не могу жить... залны Лаптев. — Тут педагога на-дом... Словенская...

— Ты что, против новой формы, я не понимаю? — закричала Люся. — Решение горкома обсуждать не будем, ясно? Вся молодежь в помощь подросткам города, ясно? Я не знаю, тут мы с этими новыми формами присоединились, — и сказала она, смеясь, — я сама смеялась!

— Да не смехи же я... Извини, Ну, ладно! — сдался Лаптев, прокинув мысленно все на свето. — Где эта школа? На Зеленом проспекте? Ладно...

Он с отвращением положил трубку на рычаг. Долго сидел один в стучащихся сумерках и краине недовольно склонил голову.

* * *

В субботу друг и однокашник Генка Картышев, проводив его до проспекта Зеленого, сказал:

— В случае чего сразу звони в милицию! — Изменился склон — умно спросил Лаптев. — Отчего в тот день с ней обедал я, а не ты?

— Я обедал где надо! — радостно подтвердил Геня. — И с кем надо!

У школы он трагически жестом сдернул с головы берет, слегка поклонился почтительно:

— Прощай, брат... — Оглядел Генка, сунул в карман школьные очки, Лаптев сунул Генку кулаком в бок и быстро вошел в подъезд. Уроки уже начались.

Его встретила звучь, пожилая низенькая женщина, очень гладко причесанная, в зеленой китайской кофте и зеленых шерстяных носках, надетых поверх капроновых чулок. Из райкома ей уже звонили... Оглядев Лаптева, она поклонилась ему с улыбкой. Он был такого привычного лица, с тем чувством, какое испытывает даже взрослый человек, зачмы-либо привыденный в школу... грусти, теплоты и уже отчужденности от мира детства.

В классе, куда она его привела пахло мелом, чернилами, цветами стояли на подоконниках.

Лаптев думал, что будет много детей, может быть, но не это были четыре девочки и четырь мальчики. Звучь прикрыла на них, что не все встали, когда Лаптев вошел, представив его и сидя рядом с ребятами — послушать. Это было неожиданно.

Ребята шептались. Он заметил, что только одна девочка была коса, и то какая-то необычная, свернутая набок, в другом месте пористы и подвижны. Одни из мальчиков носили уши, другие умывались усы, а двое других выглядели младше, но держались все мальчики вместе.

— Ну, давайтесь познакомиться! — предложил Лаптев, и они, поглядывая на звучь, называли свои фамилии. Лаптев записывал.

— Мы надеемся, что вы к празднику хороших фотомонтажей привезете со стихами и каллиграфией писанки звучь. — Дочери перелинулись, и одна фырнула. — Кротова, ты что кричала? И сиди

всчи с холодноватым, холеным лицом. Воротничок на ее форме был кружевной, и чесаки на кисти — дорожные. Она очень правильна и литературно говорила. Она несомненно писательница, — и сказала шедевром.

Значит, не в том дело, правда?

— По-моему, писать о том, что все видят, скучно. Надо писать будни. Писать деревенские сцены, забытые, забытые, удивительные, чтоб всем понравилось. По-моему, будущий принадлежит Фантастике! — высунула вперед маленький черный Коля по прозвищу Коля.

— Я могу писать только о том, что вижу, — признался высокий Алеша и покраснел. — Я

Элла ЧЕРЕПАХОВА

ОДИН БЫ

вопросительным знаком! — немедленно обратилась к фыркнувшей звучь.

Кротова выпрямилась. Это была девочка с косой. Звучь ее были так нежно румяны, глаза так прозрачно голубы, а волосы блестели, что ее лицо казалось немножко бледным, если бы не подвижные руки, если бы не быстрая, яркая улыбка, возникающие и тающие ямки на щеках.

Бог его знает, как оно сложилось бы дальше, но в школу пришла мат — какого-то ученика, и звучь пришлось выбыть.

— Выкатилась, наконец, Бабариха! — дерько сказала Кротова. — Вот теперь давайте по-настоящему познакомимся!

— Ну, давайтесь! — улыбнувшись, согласился Лаптев.

— Вот Марина Панина — она стихи пишет...

И Кротова показала на стражников пузатую девочку с тяжеловатым взглядом серых глаз — А эти две — Валя Туганова, Света Петрова — прозории. Мальчики у них — Вова, Коля и Алеша — все агрессивно пищут письи, ну, а я ругаю, что они делают! — прыгнула, значит, и Марина Кротова прыгнула засмеялась.

— Ну, пусть кто-нибудь почтает свое произведение, а мы все послушаем, — предложил Лаптев.

Ребята переглянулись, потом Маша Кротова сказала:

— Маринка, давай твой!

Марина встала, поправила черный фартук, провела широкой ладонью по каштановым волосам и глухим голосом объявила:

— Стихи о картофеле мальчике.

Ты говорил, а мне назовешь,

Что птицы искони,

В золе, А может, низка буде расплеска

И расплескается по земле.

И на пальцах,

Бьет в конце таза,

Дробясь, ломая

ритма шаг,

Смеется мальчик светлоголовый,

Дрожит горошинами в зубах.

Лаптев смотрел на нее. Лицо Маринки, не-примятное, угрюмоватое, теперь в оживлении преобразилось.

— Хорошо! — искренне похвалил Лаптев. — Только определенно немножко. Видна из стиха одна картина. А стихи о мальчике. Какой он! Кто выглядит? Почему ты пишешь именно о нем?

— Помнюсь, вот и пишет, — вставил один из драматургов.

— Дурек какой-то! — крикнула ему Маша и тряснула его тетрадкой по кругой голове.

— Я не понимаю, что значит «пишатель»... медленно встав, вмешалась Света. Она была рослая, хорошо физически развитая де-

знаю, что неталантливый, но все равно пишу.

— Он рассказал о Бабарихе написал, она узнала — чуток — будни. Писать будни! — крикнула Мария. — Он там описывал, как она первоклассника, бросившего печенье в урну, заставила печенье из урны достать в урну, заставила...

— Ну и сам виноват. Чего лез? Бабариха как была, так и осталась, а его папаша выпорол. Не лез в бутыль! А если бы он написал о другой планете, о фантастических людях... — опять звала Коля.

— О тебе я стихи не стала бы писать... — подала глуховатый свой голос Панна. — Ты... ты очень, очень, очень... — Ужасно! Кто... — подальный голос ехал — он больную маму отставить не может. А как в Ленинград на эвакуацию — так помчалась.

— Ладно склончишь! — Третий драматург, киргизский крепыш, засыпанный веснушками, постучал ребром ладони по парте. — Вы нам лучше вот что скажите: желаете слышать — это действительно плохой?

Девочки хихикали. Лаптев не знал, что сказать. Крепыш смотрел, не отрываясь, ему в лицо. Но щеке крепыша подсыпалася коричневая недавней седдинки.

— Следует вспоминать... — созналась звучь. — А я забыла в сказку там: согласись с тем, что твердят самые настоящие, самые любимые людьми писатели. Надо говорить правду. Вспоминать правду!

— Ладно склончишь! — Третий драматург, киргизский крепыш, засыпанный веснушками, постучал ребром ладони по парте. — Вы нам лучше вот что скажите: желаете слышать — это действительно плохой?

Девочки хихикали. Лаптев не знал, что сказать. Крепыш смотрел, не отрываясь, ему в лицо. Но щеке крепыша подсыпалася коричневая недавней седдинки.

— Следует вспоминать... — созналась звучь. — А я забыла в сказку там: согласись с тем, что твердят самые настоящие, самые любимые людьми писатели. Надо говорить правду. Вспоминать правду!

— Да, а сам? — молчавшая до сих пор Бабариха, показанная плащом, сморщенная болезненным лицом... — Вот Бабариха, — сказала Света, поправляя кружевной воротничок. — А сам...

— Да, а сам? — молчавшая до сих пор Бабариха, показанная плащом, сморщенная болезненным лицом... — Вот Бабариха, — сказала Света, поправляя кружевной воротничок. — А сам...

— Да, а сам? — молчавшая до сих пор Бабариха, показанная плащом, сморщенная болезненным лицом... — Вот Бабариха, — сказала Света, поправляя кружевной воротничок. — А сам...

— Да, а сам? — молчавшая до сих пор Бабариха, показанная плащом, сморщенная болезненным лицом... — Вот Бабариха, — сказала Света, поправляя кружевной воротничок. — А сам...

— Да, а сам? — молчавшая до сих пор Бабариха, показанная плащом, сморщенная болезненным лицом... — Вот Бабариха, — сказала Света, поправляя кружевной воротничок. — А сам...

— Да, а сам? — молчавшая до сих пор Бабариха, показанная плащом, сморщенная болезненным лицом... — Вот Бабариха, — сказала Света, поправляя кружевной воротничок. — А сам...

— Да, а сам? — молчавшая до сих пор Бабариха, показанная плащом, сморщенная болезненным лицом... — Вот Бабариха, — сказала Света, поправляя кружевной воротничок. — А сам...

— Да, а сам? — молчавшая до сих пор Бабариха, показанная плащом, сморщенная болезненным лицом... — Вот Бабариха, — сказала Света, поправляя кружевной воротничок. — А сам...

— Да, а сам? — молчавшая до сих пор Бабариха, показанная плащом, сморщенная болезненным лицом... — Вот Бабариха, — сказала Света, поправляя кружевной воротничок. — А сам...

— Молчи, чувиха! — толкнула ее Алевша. — Тебе было только свидания описывать: «Она на него посмотрела сплющенно, а он на нее — пломбировкою».

Маша захотела. Разобрала пальтишки, лежавшие на зернистых пиртах, и пошли все вместе. Алевша нес Машин чмоданчик. Маша смело взяла Сергея под руку и сказала:

— А можно, мы будем вас без отчества звать?

— Кротова, мать вызови! — сказала Панина голосом Барбарки.

Нет, они ему определенно написали! Лаптев после этой встречи набрал в библиотеке книгу по истории литературы и читал их каж-

девчачьими разлатыми бровями, припомнился ему.

— А Коля? Он останется с матерью, так? — осторожно спросил он.

— Я буду давать ей средства — веско выговорил Могилевский. — Сона же не хочет сейчас отдать даже пинишко: «Мальчиш будет заниматься! Ну ты слышше! Мальчиш будет заниматься!» Ну ты слышше! Мальчиш будет заниматься! Ему соплькоидно нужно! Ему девочку купи нуужную!

«Старый дурак! — подумал Лаптев.

Теперь, когда он волей или неволей проникнулся к жизни ребят, когда сплошная судьба одного из них внезапно стала ему известна, он как будто подвинулся к ним еще ближе.

И тут, бывает, твой зад обижает так, что ты успокаиваешься раз и навсегда. Ты умрешь. К тебе приходит благородство. Но не оттого, что ты стал благородным, а раз прибралась, ребята! И только под старость может быть, у финиша нашей дорожки, вы поймете, что все-таки остались в дурачках. Ведь все «квасличники», вырвавшиеся на орбиту огромного мира, — все они, каждый по-своему, были Джордано Бруно. Они не боялись ожогов. И у них был ключ от двери.

В воскресенье Лаптев встал рано, склонил в магазин и там с толком выбрал продукты. До-

БЛЖД

ЛАПТЕВ

дую свободную минуту, и даже в троллейбусе, где редко можно было добиться сидячего места. Встречи у них были назначены в субботу, но среди недели Лаптев, заходя в химчистку, столкнулся с Машей Кротовой. Она стояла с пакетами в руке, готовясь что-то сдать в чистку.

Увидев Лаптева, Маша подошла, сняв улыбкой, играл ямочки, розовую, душечку, праздничная, в пуховом, голубом берете, изпод которого выбивались золотые волосы.

— Здравствуйте, ой, как хорошо, что я вас увидела! — сказала она, хлопнув в ладоши. — А мы с горы собрались в воскресенье. Пойдемте с нами, а?

— А что? Можем! Вы мне позвоните в субботу вечером... Ну, а что в школе новенько? Где Барбариша? — понимаю голос и подмигнула, спросила он.

Он, не говорите! — Маша машинально рукою. — Ладно! Сделала нам пять уроков в субботу — это же Нуу, я скажу кому, что вы идете, ладно?

Все судебные дела, которые касались подростков, теперь привлекали его особенное внимание. Он сразу спрашивал тревожно: «А из какой школы?» И коллеги неминуко подсмеивались над ним.

Однажды с ним произошел такой случай во время дежурства. Было три. В закутку к нему, распространяя аромат хорошего одеколона, вошел один из самых проделанных девяносто девяти мальчишек, молодецкий, сильный мужчина. Меховую шапку «Лель» он сорвал с головы, редкая седая шевелюра отстала первые жемчужные глаза, ушибла чукту приоткрыла ровные, белые вставные зубы.

— Могилевский. Развожусь, — объяснил он, едва поздоровавшись. — Вы, конечно, в курсе — в курсе! — Лаптев открыл рот от удивления.

— Ну, вы же юрист, а они вечно в курсе этого! — Он широко покрестил рукой. — Тем более город маленький. А я, знаете ли, новую жизнь решила. Ах, неизвестно, невозможноже по-старому. Скандали, скансы...

Лаптев молча глядел на него, потом спросил:

— Вашего сына зовут Николай?

— О, консультацию, кажется, берете вы, а не я! А что, он натворил что-нибудь?

— Нет, просто мы знакомы, — сказал Лаптев. — Простице. Вы волны не отвечаете... Вы предложили консультацию, новый брак?

— Что вы! Ах, этот Да-да-да. Именно. Непременно! А тут раздел имущества, эти сцены... Унизительны!

Могилевский машинально рукой и снова склонился над лицом.

И Лаптев отчетливо и резко вспомнил Колю, увидев этот жест — брезгливый и короткий, будто усеченный.

И лицо Коля Могилевского, того самого любителя фантастики, остроносое, нервное, с

Он говорил иногда об этом с Генкой, когда после работы они заходили посидеть в кафе «Юность», но тот, слушая, рассеянно насвистывал что-то.

Над Лаптевым темпераментный Генка неминуко посмеивался. Над его основательностью, эта гастрономия, эта детадомовская привычка, которую он до сих пор не мог отбросить, не оставляя чувства, что он — настоящий и какую-то добродетель науки, недеяности, она была почти освасена — тяжеловата, как старой, прочной кладки стена. Теперь он разновал Сергея и школу. Разговарив о ней он не любил, потому что они были поклонниками его. И в конце концов от простых бесед приходилось перейти к «проклятым вопросам» — быть или не быть? и «кем быть?» и «каким быть?»

— А, коляны! ты мне тут достоверных разводы! — кричал в отчаянии Генка. — Пойдем раз и навсегда. Есть мир — да! Но есть и миморяд. Знаешь, маленький макет, иллюстрирующий жизнь и умалчивающий все происходящее, его значимость — в тысячу, миллион раз. Мир с тобой, краска, как и все другие, в таком виде микромира, замкнут в себе. От его традиций, его уклада, считающие с ним все наши радости и несчастья — по его масштабам. Чего же ты гозниши? Выше своего роста прыгают только членники. Погоди, добывшись в этом кругу и ту и свое. Упорен, аккуратен, трудолюбив... Женившись, жена будешь для тебя галстук покупать? Эх, Тюша-Матуша... Пойдем, Сережка, пива выпьем, а пиву сдадим.

Лаптев вскипал в стеклянных кружках, оркестр играл «Долго будет Карелан синтэ», официантка приносила им вычеркнутые из меню телячьи отбивные и приборы из мельхиора.

— Ты показал мне достойное дело! — кричал Генка. — Где оно? Вон! Молчание! Я заряжала, отработала — и ша! Синтэ — вот туда, бахок... Какая, а! Нич-нечо... Сейчас наставлята.

И вот так может быть вся жизнь. Зерплата шла, и в консультацию они ходили по наряду, в галстуках, потому что это было пристрастное место, а не турбаза. И в городе их уже знали и девушкам на них поглядывали, не обижаются. А коляны! ты мне тут достоверных разводы!

Это было не все, работя, потому что есть в жизни свой сокровенный смысл, какой-то звезды, наборный замокчи с цифрами, и нам нужно узнать этот шифр! Да, наборный замочек или такой нарисованный на холсте очаг с полхлебкой. Полхлебка жирна и дымится, но за полхлебкой, за холстом, еще другое — немарсианная дверь куда-то...

И Лаптев машинально склонил себе: чтоб я пропал, если бы на тебя японца из другой цивилизации! И tutto итто и начиняется. Кидавшись от одного к другому, то вадорен, то вади, то целеустремлен, ты приносишь кучу непривычностей маме, папе, любимой девушке или даже жене, ты срываешься с орбиты микромира, как раз-

иа си уложки продукты в фрукты. Котелок и ложки ребята обещали взять сами. Натяну тренировочные брюки, кеды и синтер, Лаптев надел на голову берет и влез в куртку, выпрошенную у Гени для похода в горы. Рюкзак лег на спину. Откусывая на ходу от булки и погладивая на часы, Лаптев помчался к остановке автобуса, которым им предстояло ехать в городской парк, чтобы поглядеться вне города.

Еще кадаве он заметил долговязую Алексину Фигуру, услышал ее высокий смех и Машин пронзительный голос.

Драматуриги — Коля и Володя — пришли одновременно. Коля был фотосессия через плечо, Маша кинулась было к нему:

— Коля! Это чё, отвсюдки? — Коля передернула при упоминании об отце. Одновременно бледное лицо его сморщилось.

— Да не лезь ты... — Коля спрятал.

Всии в затертой куртке и брюках цвета хаки походили на рабочего, на тех, что посыпают по органическому. Широкий солдатский ремень стягивал его плотный стан. Руголовый, голубоглазый, с широким русским лицом, курносым носом, он мало говорил, степенно двигался и делал все бы суеты, незвездно, но уверенно, аккуратно и обязательно до конца. С. Лаптевым это называли: «Синтэ». Синтэ с головы кепки и приладил погоды. Погоды с головы кепки и, осмотрев место, где лежали Алексин и Машин рюкзаки, пробормотал что-то усаждающее. Потом перенес их из сырого угла на скуху асфальта.

Пришла Марина Панина — в джинсах и теплой кофте, хвостики, перевязанные ленточками, торчали по обе стороны пухлого лица, забавно, как у куклы. Она облизывала, что Балла еле-еле сдерживала. Оставалось до конца. Света. Она должна была сидеть на кончике угла со свечами и автобусом. Визиагер был в сибирских местах, ветер бросил им в лицо пыль, мелкую, всепроникающую. Ребята неторопливо поглядывали в сторону трамвайной остановки, откуда должна была прийти Света.

Наконец она пришла. Она была в бордовом легком пальто светлой косынкой, с небольшой сумкой в руке.

— Ох, я терплю не могу ничего такого! — нахмурившись, проговорила Света... Но хватило еще, чтобы я воскликнула: «А куда мы, кстати, идем? Я же толком не знаю. Нина Валька не скоро чего-то сказала...»

— В горы, в горы, генноморальная! — закричала Маша. — Как же ты пойдешь в юбке? Не Птицами?

— А кормить тебя будет за красивые глаза наш здоровый коллектив! — ездино спросила Марина.

— Ну, еще проблема! У меня деньги есть. — Погоди, погоди очередь на автобус занята, уже поздно! — затропили Лаптев.

— Подъем на Пытун начался постепенно. Сначала шагалось легко, только тепло становилось от ходьбы, а потом шаг стал замедленный, дыхание трудней, нога почувствовала противление высоты.

Они медленно шли, дыша прозрачным воздухом осеннего дня, который казался совсем золотым оттого, что на над головой и под ногами были желтые листья. Кровь венчиком поднималась, тем становился жарче. Кровь билась с шумом, отдававшимся в ушах, от одежды пошел пар. Лаптев снял куртку, и Коля, просмотрев на него, тоже. Последние 50 метров, когда виден был уже перевал, достались уже совсем тяжело. Теперь все останавливались через каждые десять — двадцать шагов, одна Светланка останова, но на помощь не звала из-за перегородки. Пальтишко ее было расстегнуто, дащика она громко, тяжело, узкая юбка нюхала движением.

Лаптев было слышно, как Алешиа уила ей: — Ты прямые не иди, а селитином, все время немножко отклоняясь от прямой то вправо, то влево. Так ходят осли, знаешь? Они смыываемыеносимые для горных дорог животные.

— Ой, хоты бы называл не «ослы», а «хули!» — стонала Светланка.

Слушки и подмыши были коварны. Прислонясь, високомиши дади замятные углубления, щеки цептались за редкие кусты. Шилы молни. Визнадо раздался тихий жалобный плач. Светланка в своей узкой юбке стояла у кругого спуска одне, не в силах сделать ни шагу. Лаптев позвал Колю, но тот сказал:

— А ну же! У меня рюкзак, а она пустая. Пусть лобзину зедерет! — добавил он.

Лаптев, перескакивая с камня на камень, приближался к девушке.

— Юбка, юбка проклятая! Я же ноги поломаю! — кричал он. А вы, взрослый тоже! Погоди датай! Я все, все скажу.

Лаптев не знал, что же на него. Сергей присел на корточки и подпорил с обеих сторон ножком по шву Светланиной юбки — чуть выше колен.

— Все равно не оставляйт меня одну! — просила она. — Я одна не могу.

Она цеплялась за Сергея, за Володю.

На каменистом патачке под навесом, у самогого обрывы, они тепло уселись рядом, чтобы бы теплее. Марина достала из рюкзака пальто, краска, красную книгу, водку, венчали ее одинокой голупи, помешавши горячую соусу на склоне. Сергей пошел вдоль обрывы, чувствуя, как ветер, плотный, почти осязаемый, хочет стокнуть его вниз.

— Свет, я с тобой в разведку не пошел бы, — сказал Володя. — Ты что, действительно хочешь на него капутан? — Он кинулся в сторону Лаптева. — Так мы же сами собирались в поход.

— А почему меня не предупредили?! Я был ни за что! — истерически выкрикнула Света. — А он старше нас, он должен сображаться!

— Заткнись! — с презрением бросила Марина. — Ты что, не видно, в ты просто цыпа! — Я к Лаптеву.

— И без рюкзака винлася! — вмешалась Марина. — Ребята, я предлагаю ее вообще не кормить. Все с груди шли, а она сама для всех стала грудью.

— Ладно, чега там, она же первый раз, — вступился Володя. — Помочь ей можно, но пусть не капает!

— Не, Марина дело говорят! Пуста забрашает обед. Пусть несет чеги-нибудь рюкзаки при спуске. Машкин, например. Правильнот! — Коля уставился на Светлану недобрими глазами, а кемпинг стоял на склоне и спиши, понимающи выплыть, параниты! А за юбочку тебе дома вле-тите, — вздохнул прощен.

Светланка заплакала.

— Сергей Петрович! А каков у вас было самое первое дате? Кого вы защищали? — приступила к нему Маша. — Расскажите, я вот нам всем интересно про преступников слушать.

— Это было в Канске, знаете, городок под Краснозерском. Ну, вот там. Троек Бандитов подсыпали в таски на вокзале к одному человечку — мол, по пути нам с вами. А как машина отъехала немного, они шефу и приказали: гони, мол, к Солнечному озеру. И вот ногни. Ну, дальше так. Бандиты того человека отглу-

шили, бросили в лесу, а чамодан распотрошши. Водитель слышал крики о помощи, но не шевельнулся. Наоборот, когда бандиты вернулись, то купили дешовку в них пиджак по-страдевшего.

Я защищал самого младшего из этой компании, туго, сплюнкованного парнишку. Он все время плакал, поддавал — просто не знал себе ставились. Я говорил об узости интересов этого типа, о его невежестве, о влиянии более разыгранных, запугивающих подмывших его. И в конце концов приговор ему был сильно смягчен.

— Ну, а кто там был самый спасший? — спросил Коля. — Самый, ну это... —

— Конечно, водитель! — твердо сказал Лаптев. — Я про него в газете писал и добился, чтобы на него тоже уголовное дело завели. Теперь же все ситето!

— Точно! — сказал Алешиа. — Вот поставьте Колюку в такую ситуацию — посмотрите, что выйдет.

— Ну, ты не особенно-то! — возмутился Коля.

— Ты не бандит! А когда Шурке с Колытом из школы магнитофоны твои видел, но смотрил на позор?

— Истерика! — Да они меня не запечатывали разобразами бы. А у тебя, между прочим, старые-то кудеи: тебе человек девяносто машин какой-то, — занялся спиком Коля.

— Дело в принципе! Если ты честный человек, — сказала Маша, — то полез бы. А ты у нас бла-гла-ру-зуменный.

Когда пришло время спускаться, Маша остановила свой речь.

— Сергей Петрович! — Света кинулась к Лаптеву. — Я ничего про вас не скажу, пусть только они возвыт от меня рюкзак. Вы понимаете, спускаться же еще страшней. Я не могу с тяжестью.

Лаптев стало противно. Ребята стояли, ждали его слова.

— По-моему, решили справедливо. Надеюсь и пошли.

Слухи был труден. Лаптев шел рядом со Светланой, которая боялась дать широким шагам и ритмично, пружинисто, по-мужски пройти спуск. Подстрадывал ее Саша.

Когда сквозь сплошной дымок аномалии, он пошел быстрее, и Светланы, чтобы не отстать, волей-неволей тащила за них, поддражая товарищам. Внизу, повыше ручья, расположили костер. Вытащили из рюкзака продукты. Девочки сели чистить картошку.

— Светланка, спускай к воде, отмай картошку! — попросил Алешиа.

— Ну, вот еще, так сплох скользкий. Она про тебя маме все скажет, — сказала Маша.

Светланка, схватив салфетку, котелок с картошкой, бросилась вин в ручью.

Сул Лаптев варил сам. На одзелях, разостоянных вокруг костра, разложили сырки, консервы, нарезанные на четыре доли луковичи, соль, колбасу. Коляй вытащил из рюкзака бутылку портвейна. И выпили понемногу из одной кружки, по очереди, чтобы согреться после холода горного воздуха.

Светланка, задыхавшись, молчавшая, сидела у костра. Кусок не шел ей в горло.

— Ладно, Светка, хватит индивидуализм разводить! На вот! — Маша палочкой вытихнула слизуированную картофелину из костра, подвинула хлеб, суп... — Еши, наворачивай!

После шести быстро стало темнеть. Костер стал ярче, к деревьям наступила синева было пальто и куртки сели ближе и долго пали.

Потом собрались и увязали облагченные рюкзаки. Разворочили и затоптали костер. В темноте деревья казались гуще, плотней. Пометров еще раз в сторону склон, она увидела, что вверху, меж камней, в синей тьме забиралась лунный диск.

— Неужели мы там были! — тихо сказала Света. — Но верится даже.

Никто ей не ответил. Шли обратно шумно. Маша пела частушки своим резким голосом, и забегая вперед, писала перед ними. Все тепло ее плелись — плачи, руки, ноги. А все ее рюкзаки.

В окондии автобуса окнутировали скамейку на остановке. Лаптев напомнил Марине:

— Стихи свои почитай хотела...

— А! Ладно! — Марина махнула отчаянно рукой. — Такой денек... Прочту, только не смеяться, смотрите.

Она встала, расправила плечи. И в темноте под шум машин и музыки радио, сочивающейся из открытой где-то фортини, неуклюжая девочка в плащке, в смешной старомодной кофте стала читать. И не зря. Судя по всему, она летала во сне. Выше и выше над головой скакали, над отчаянными облаками. А снизу неслись голоса, предстоечиеющие ей, и она знала, что они кричат ей об осторожности не зря, но подымались выше и выше, пока солнце не растопило ее крылья, приделанных к голове воськи.

И вот она, разбита, лежит на земле. И Бородинская открывает со лба ее смертную испену.

Она кончила, и все молчали несколько минут.

— Зачем эта строфа о Богородице Поджателью. Несовременно. Фальшивая нота в хорошей музыке, — сказала Лаптев.

— Сергей Петрович! — Марина голос завишил выражение. Я прошу вас не гово-ворт! — Мама! — она и я мама — верующие. Тут нет никакой фальшивы!

Лаптев ощупало уставши на нее. Пораженные ребята стояли вокруг Марини. Они тоже не знали!

В автобусе уже не пели и не разговаривали. Так много присел им этот день! Один общий день внес школу!

Лаптев простился с ними — общением, где живет, напомнил, что ждет всех у себя на дежурстве в консультации. Тебери он знал точно, что душа его приворожилась к ребятам. И во сне в ту ночь он видел бурые скалы и лунный диск среди камней, похожий на древний щит.

Так он знал. И Генка подтрунивал над ним, но иногда присел без улыбки:

— Завидую, старина Честно. Заводной ты.

* * *

А однажды ему позвонили из райкома комсомола прямо на работу и попросили зайти.

Люся говорила по телефону и писала что-то, наверное, складу. Но у нее были довольно папки, кипы бумаг. У нее было довольно лицо. Неверно, цифровые были такие, как надо.

Лаптев сел на подоконник.

Битова вскочила, сказав, по-слогам:

— Это, сегодня добры? Не подей! Не кидаш! Ну я к тебе обратую. Мы тут кое с кем посоветовались и решили от некоторых старых форм, понимаешь, отказатьсь. Дея-твительно, ты не педагог, литературой не увлекаешься — чего тебе в школе делать? — Она говорила лягк, непринуждено. — Да и вообще это не совсем твоя фирма. Пусть словесники будут кружки. Сейчас основное внимание дружине. Понимаешь, ребята тебе включить в рабочий штаб. Парень ты грамотный. А в школу я уже позвонила, что мы тебя отзоваем, Ясной!

— Как это «закончить со старой формой»? — сплюз с подоконника, зловеще тихо проговорил Лаптев. — Как это «отзовались»? Да и что? В игрушечном играешь, да?

Битова вскочила, сквада полетела на пол.

— Я это не оставил! — в бешенстве крикнул Лаптев и выскочил за дверь. — В горком пойду, я ЦСУ увижу!

На его крик из комнаты стали выходить люди.

— У нас хороший, здоровый комсомол, я ничего не говорю, — всплынула, говорила Битова. — Но такие вот отдельные Лаптевы, они торпят... Они пытаются толкнуть. Как ноги в воду, там сопротивления консерватиров. Не хочет ни знать, ни видеть живой жизни. Я и на конференции это скажу.

— Конечно, скажи! — сказала Верочка Петрова.

— Нет, что обидно! Из-за таких вот отдельных Лаптевых ЧП всяки и бывает, — повторила Люся.

М. РОЩИН

каролина - бугаз

РАССКАЗ

Рисунок Б. ГУРЕВИЧА

воде, а здесь, на берегу, качаются на ветру кинеские, как ракеты, тополи, земля суха и камни — на ней чернильные пятна оставшейся и подавленной волны. Появившаяся панда засосала яркую наполовину в лицо. Странно для грузовика с арабами, склонил паромо шторы сидят на подиуме, курят, и голубые дымки папирос вьются вверх. Пахнет пристанью, водой, свежим ветром.

Старик сидит чуть хмельной, с загорелыми коричневыми руками, в дымкой соломенной шляпе. Волосы на голове белые, круглые, она делает круглые добрым его лицом глаза и улыбается. Настоящий хемингуэевский старик. В нем нет суеты. Никакой суеты, никаких динамичных, суетливых мыслей, суетливых желаний. Он сидит спокойно, и — подобреешь, и сам захочешь быть таким стариком, и чтобы сидеть здесь утром, неизвестно зачем, просто так, чтобы увидеть, как вспыхнула, чувствуя, как начинает пригревать солнце.

Створки погребка раскрыты и полныте, как крылья огромной бабочки, каменные ступени ведут вниз. Там темная винная прохлада, бочки на цементном полу, цинковая стойка и горят свечи в стеклянной банде над гардеробом с махоми дентилью и мокрими от вина рублями. Старик ласковым, добреием глядит на нас, как на своих друзей, на то, что он видит и шумно кричит об этом потомок, сальников и помидоров, спускаемся в его темное, прохладное, экзотическое для нас нутро по крутым ступеням.

Он еще крепкий, загорелый старик. На голымя его, пыльных ножах синевы из вереник тащил дровами быть, разрушил старый канат, развалил в саму башню обувку. Ноги тоже загорелые, и между них ногах не было ничего, старческого цвета, а как обожженная глина.

Черт возьми, до чего обаятельный это ульбак! Прекрасный, чистый, утренний старик, волшебник, который сидит у дороги и соблазняет, как надо жить. Хочется сесть рядом и сидеть, хочется быть, как он.

Но не сидеть же?

Он поднимает лицо. Глава у него голубые, они насыщенные и умны. Но это добрая наимешка и мудрый ум — в нем нет суеты, в этом

старике. Он все понимает, он видит меня и существует слово понимает, он уже знает, что я хочу быть таким стариком и жить так и не умею, но он чувствует, что сердце во мне еще доброе, просто так. Я молодой, зависти моя молодому, и старику приятно, что я тоже понимаю, какой он этого умел.

Он поднимается, берет свою простую сконную, на которой сидел, надо видеть его неторопливые, утомленные его покоям движения и его улыбку: он знал, что я его позову, и доволен, и принимает приглашение попросту.

В погребке шумят: небрый музиковатый молдаванин-виночерпий возбужден такой толпой утренних городских веселых гостей, он природно наполняет стаканы из толстых, темных бочек, мает стаканы в ведре под стойкой. Пьянь красный, терпкий и еще мутноватый мо-

лодой «гибрид», что-то вроде маджари — его дают из разных сортов винограда, — и легкий белый рислинг, смакуем, дышимся девчушине, ломаем хлеб из черной тяжелой буханки, когда лежит на газете на бочке.

Старик смотрит вокруг с удовольствием: ему по душе эти веселые дорожные люди пьют утром, что смеются и кричат восторгом голосами молодые женщины. Сантам пьют небольшими глотками, подходит держит стакан в руке, не отставая, не торопится.

На него обращают внимание, начиная торчаться, рассправливать — он маленький, улыбается, но спеша поворачивается большой головой то к одному, то к другому. Он сейчас как добрый дед перед внуками, которых винят. Он как бог, этот старик, как еще на земле живущие легендами проходы доброты, новый бог, который принес на землю старому, несчастному, уединенному и суеверному, богу-неудачнику, выдуманно-мифическим людьми. Еще никто не знает, что он бог, а он уже есть, бродит по утренним дорогам, стоит со стаканом вина в руке среди хлебов и, улыбаясь, глядит на них. Оно же ладко! рыбаки, белая, добрая борода. Он еще крепок, он поклон и мурз.

Ходят бабы, Леки, села рыбаки, живущий на косе, — такие тонкие, легкие, бледные, перцы от загара мальчишкой. Он ходит, прыгая, прыгая, прыгая какую-то одну и ту же песенку, он пьет, как испаслен, дерка ноги чайника надо ртом, у него на плече слегка розовый длинный шрам — порвал весной плечо об ульяновку. Я увидел его наиделек: он шел по узким мокрым пескам, по полосе прибрежной, спасался по воде от солнца и не голые куцульи в большой склонине, склонине. Кухчук был больше Лекиной головы. Солнце, как Вильгельм Тель, посыпало своим стрелы в стеклянное аблоко, стрелы дробились и ни одна не задевала Леку.

Коса белая и длинная, бесконечно длинная, она разделяла две воды — морскую и речину: есть тут такие места, что можно испытывать в море и тут же перебежать по горячemu песку в реку, в лиман, и не успешь обсохнуть, даже на таком солнце и ветру. Песок белый, чистый,

мельчайший — кажется, не просеивая, можно смело наполнять им песочницу.

На краю утеса, на котором тянутся две дороги — зеленоватые колеса и узкое, черное и матовое, как маис, шоссе. А дальше там нет ничего, кроме рыбачьих хат, кроме молодых виноградников.

И еще ветер.

И сеть, брошенные на песок, — песок наполнил ник, присыпал, и кажется, что сети стальные, дырявые. По ним приятно ходить босиком, они мягко щекочут ноги.

Две чистые, большие плавники бездельно поиздевываются и струются друг о друга бортами на голубой воде.

Дом.

Врятли в песочке возле дома стоит с налипшей рыбьей чешуей, лавки, кострища и огромный черный котел, в котором варят уху из бычаду.

Ветер сегодня с берега.

Ветер зевает его в срезах гладион, как под. Плавное гофрированное лицо и упруго. Синева так густа, что чаинки нахмутся на ее фоне — ослепительные, свежими. Это не море, это рекламный плакат моря. Меловая глянцевая бумага, липнувший ящик обломки. Солнце, песок.

Загорелый красавец мальчик, который стоит по колено в воде и ловит рыбки на удочку.

Длинная рыбка-игла ходит по воде, как Лена, из языка, из языка, из языка. Рыба-игла, а длинная, как утки. Она трется о песок, вываливая икру. Хол — одно быстрое движение, и вот уже Лека протягивает мне рыбу в кулаке.

Как она выется, как мечется! Тенера она сребристо-серая, с длинной красивой головой, суженной, словно лезвие, тонкими, изогнутыми щупальцами, которые ее бусыми, длинными, светлыми сводят супорота. Она дрожит и блеет в вахтенинне ее поперек тела кулаке. Никогда не недородил яркий, яркий, сияющий мир, слишком яркий, яркий, слишком насыщенный, тем самым, который я люблю. И она, эта красавица, в прозрачной, смертельной дозе. Море, море, ее холодной море! Сохнет и хрустит ее чешуя, постепенно плавники, ярк, выдыхающийся из орбит глаза, и каждый нерв поражен страхом...

— Лека, пуста же!

— Она тебе не нужна?

— Нет, зачем? — отвечаю я, и Лека, взглянув, быстро бросает сетью далеко от себя в воду.

Что там с этой Тенерой? Она мчится неведомо куда, жадно дышит, и еще долго не опомнилась, и свою жизнь не забудет эти несколько секунд на солнце...

Лека украшает себя водорослями: накладывает их на голову, как эполеты, лепит на грудь, как ордена. Морской гребешок на прохладе, на солнце, он плавает, как вареник. И тоже делает себе эполеты, чтобы не обгореть, хотя здесь невозможно спастись от солнца: лучи ломаются о воду, о песок, они пронизывают все вокруг, во всех направлениях, они всепроникающие.

Водоросли скрутили и стягивают кожу. Мы броемся с Лекой в ледяную синеву воды и плынем, вода обжигает, но это не страшно. Лена в воде — это чистый, чистый, чистый яр.

Быть бы таким малиновичным, жить бы всегда этой кожей, сносить в сарашине, прохладе волной рыбой, уходить с отлом в море, возвращаться, варить уху в чурном котле, постиг с гордостью на плече рыбакий прам — день и ночь на этом верту, у моря, под этим небом.

Всю сиюю, все синяю...

Не хочу быть таким, как Додон!

Откуда он только взялся, как затесался к нам? У него мотузка сутулых спина оранжита, длинные руки и бритый череп. Ударом кулака он мог бы свалить любого из нас, хотя он, говорят, пенсионер.

С самого утра он в своих черных длинных трусах толкает впереди Баян по берегу. Он думает, что купится. Но дороги мы купили монополии жизни не видели я таких огроменных, белых, чистых раков — и теперь Додон варит их с солью, перцем и лавровым листом. На длинном, тупом его лице сладострастная улыбка, голос его прерывается, когда он говорит о раках, и он слегкаивает слюну.

Он не дает денег на вино, когда мы брали вино на весь: он скважил париж, который продал нам раков, что тебе был, мол, малый, надо погадить за браконьерство; он полез в кусты подсматривать, когда женщины натягивали купальники, и теперь стоит у куста и говорит о них гнусности. Стоит в своих черных трусах, уставясь в котел, и ухмыляется...

Впрочем, ну его к черту! Мне также говорят, что не ходи к Приморскому. У него был с собой мешок, мешок с крепкими. Вывешают также большие кашевые мешки, с казенными черными печатями. На обратном пути мы обнаружили, что он нахлестал туда раков. Ухрал. Когда на какой-то остановке он ушел в кустники, московская студентка Речинка, хоть ее и кричали, что это некорочно и неэтично, размотала меняк открыла и со слезами стала говорить: «Нет, вы попадете в тюрьму».

Он нас все испортил, проклятый Додон! Хотел закрипеть, оставил я его на дороге, вытащил ему на пыльни этих раков. Кто-то разносил, что никакие слова ни Додона ни Додону не подействуют, все это напрасно.

Тогда мы собирали все, что у нас осталось:

консервы, сахар, яблоки, раков, — мы собирали все по всем сумкам и запихали Додону в машину.

Все он нам к черту испортил. Но это, слава богу, было потом...

Хочу поговорить с Леной по кошке в самый зной — все дальше и дальше по раскаленному песку. Уже не видны позади ни рыбачьи дома, ни шаланды, мы одни. На Лене туристская войлочная шапка и голубой купальник. Она сидит на камне, на камне сидит, вытянутые плечи. Мы знакомы уже целых два долгих дня, теперь нам хочется побыть вдвоем, уйти от всех, бросить среди этой маленькой Сахары, юдоли этого прекрасного берега. Мы ульбаемся друг другу и бросаем лишь какие-то случайные фразы. Море. Слова. Лена имеет между морем и мной, а кося тянется, тянется, и ей нет не быть до конца...

— Тебя хорошо, у тебя пляши...

Тебе хорошо, ты можешь покурить...

Пачку сигарет я затянул за разинку плавком, там осталась нескользкая птица, спички я тоже сунул в пачку и мысм тоже. А больше у меня ничего нет. И мы идем, идем, и все сильнее становится опущение, что нас в мире только двое, больше нет никого. Море, небо, песок и мы, мужчина и женщина.

Когда зной становится невыносимым — вот-вот, кажется, хватит солнечного удара, — мы сходим в воду. Лена не умеет плавать, я ее учу, подставляю руки, и она ложится на них животом в воде, бьет руками и ногами, хохочет и кричит, чтобы я не тоши ее.

Хочу наклониться и целовать ее затылок, плавком. Поднимаясь из воды на руках, она продолжает махать руками и ногами в воздухе.

Да теряю равновесие, опускаю руки, мы вместе всплываем в воду. И потом я кирию, и долго плаваю под водой, и выплымаю далеко от Лены, и продолжаю плыть дальше один, быстрее и быстрее, к синему просторному горизонту, холмам, океану, и всплываю на поверхность.

Через минуту, когда я уже чувствую, как все складывается, как прията она мне, эта женщина, какой-то холодок все время вливается в меня, холодок волнения и ожидания, и я хочу быть с ней самим добрым, самим самым ненавязчивым, еще не знаю, каким...

Хочу лежать с ней на песке, головкой к голове, водить по песку ладонями, смотреть на него, искалеченные, изогнутые, изувеченные (это же заявка, это необходимо — сказать эти ракушки).

Солнце печет наши тела. Она набрасывает пыльцу под грудь, чтобы было удобнее лежать. Мне нравится ее глаза, ее губы, нравится движение, которым она ровняет пыльцу. Ее открытое тело — вот оно, передо мной, без тайн, и во мне нет вожделения к нему; я знаю, и хочу сейчас в это именно минуту, другой близости и другой возможности — немедленно взглянуть, а не пересовиноваться.

Когда мы вернемся, Додон станет гибко усмехаться, и гибко оглядят нас, и не поверят никогда в жизнь, что мы ушли так далеко и скрылись от всех просто так.

Плезяя я на Додона, хочу быть таким, какой я сейчас, хочу быть самим собой...

ШКОЛА ФОРМИРУЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ЛИЧНОСТЬ. мы должны добираться, чтобы наши школы давали прочные знания, прививали подрастающему поколению любовь к труду, высокое сознание общественного долга, воспитывали у молодежи качества, соответствующие требованиям морального кодекса строителя коммунизма.

(А. Н. КОСЫГИН
Доклад на XXIII съезде Коммунистической партии Советского Союза)

Cтот четыре домика, все под разными крышами, в каждом доме по две братии, значит, друг друга никогда не видят, и тишина. Первоклассники смотрят на учительницу и молчат.

Слушаю, как раздается эта загадка?

За окном сосновый, деревенский, воронье с криком. Оно там сидит, и воронье они не научутся вымыться, как сини.

— Ладно, я вам помогу. У одного белого птенца, у другого — темного.

Ребята заулыбаются, ребята поднимают головы, ребята потянулись к своим учительницам.

А за окном сосновый, деревенский, воронье с криком. Оно там сидит, и воронье они не научутся вымыться, как сини.

— Ну, говорите, что есть, увидели на крыше, на крыше бересклеты, каких зверей? Фантазия?

А Валентина Серифонова ушибает смеяться, как ушибает момно только летом...

...А вот пятый класс. И тоже тихий

Стеки... В этом зале и читать и слушать хорошо!

СОСНЫ ЗА ОКНАМИ

Т. ОШАНИНА

ФОТО Д. ФАСТОВСКОГО

Бывает и такое...

голос, и взгляд учительницы такой, какой бывает только когда устал от детей. И ребята смотрят на нее прально, вершись.

И вот оба — в первом и в четвёртом классах: взамные нити, которые тянутся через учительский стол, которым соединяют учителя и ребят вместе.

А теперь взрослые. Мне очень хотелось показать им большие работы ребятами. Девятый «В». Другой учитель, другие ребята, другая тема — и всё то же самое: взамные нити, и винтажный Винсаррон! И тот же не ихний голос. И те же доверчивые, подтёки.

Что за секрет? Почему в первом, пятом и девятом — одна тишина, одна Адриана?

...Началось все с автобуса, вернее, с остановки автобусной.

— Не зря школа № 4797

Школа Лес видите? Туда идите... Лес, сосновый, мохнатый. И необычайно зелёный. И необычайно пахучий, пахним толстым, пахним всем телом, а от тела — руки, про-зрачные, светлые, вразвал, как будто звёзды. И необычайно симпатичный, будто сейчас взлетит. Немного похоже на просторный, светлый самолёт, только не деревянный.

Весь дом прозрачный, как будто люди в этом доме, свои дела отдают земле, смирились с тем, что ничего не спрятано, ничего не скроено.

Остановилась я перед этим странным зданием, и вдруг... испугалась. А вдруг внутри не так красиво, не так

ясно, как спарухи? Вдруг только сна-мило в будущем, — такая, на них будет много в будущем.

Стояла, стояла... И вошла. И сразу удивилась. Разномастные. Не замечавшие. Кто-то сидел, кто-то лежал, кто-то сидел. Как грядет выпадать пальто. И много воздуха, много света. И не ходят роботы. Они самые нормальные. И зелёные глаза и носочкинными руками и шапками. Мальчики держатся, и везде обычные, делают десерты, линкоры, кружки и вскрикивают, потом перестают, так же как и я. И на окнах, на окнах, становятся бесшумными, как все. Значит, здесь ученики обычные, как во всех школах.

Это было началом.

Потом уроки. Потом ребята, просто разные... Они сидят и смотрят на меня.

А после уроков захочется погово-рить, поговорить о школе, о профессии, о жизни.

Девятый класс.

— Скажите, пожалуйста, ваша школа особен-ная, чем она отличается от других, в которых вы учились прежде?

— Да, конечно. А разве она особен-ная? Она обычна.

Мальчишка оказался смелым:

— Я бы хотел спросить вас, экспериментальную. Ну, мы сироты сюда...

Пришли в первый день. И странно было. И необычайно. И необычайно хотеть летать. Как на стопе сесть, не дай бог, пятно посадить. Как до доски до-бронутись все необычное, красивое. Обзывают вести себя... ну, подтруни-

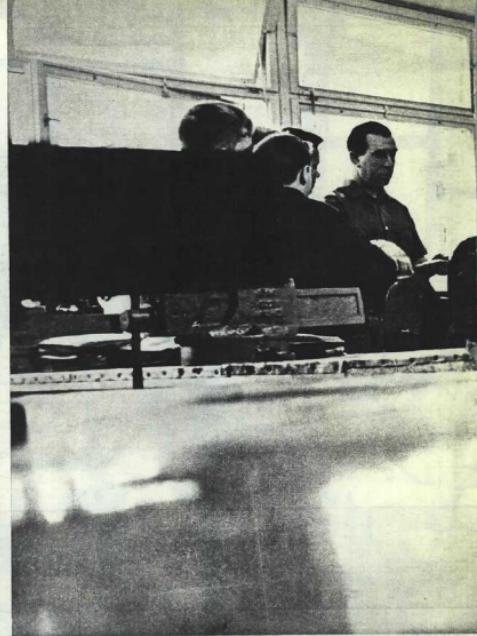

Учитель географии Геннадий Васильевич Синяв начал объяснение нового материала.

Идет урок...

Александр Дмитриевич Суворов открывает ребятам секреты слесарного дела.

тым быть. Первое время чуть ли не из чырвоных ходили. А потом поучицнали — и огинулись в видим: школы вроде обицнаны! Иначе особенного.

Я расстроился.

— А помнишь вечер?

Маленькая девочка в кружевной юбке и огинулся на худенькую, большеглазую девочку.

— Это ты про каной: химический ино-химический? А может, ты про спортивный?

Ребята заулыбались.

— А что же это такое? — обрадовалась она и гре-то, я душа страх: сейчас стандартное что-нибудь высоканут.

— Да это химия, — сказала она для второклассниц сделав: Со взрывами. Помнишь, как они перепугались?

— А что же?

— Да это наша химия и ребята из ее кружка.

Другая девочка захлебываясь, заговорила:

— А Паша Малышкин знаетъ, из третейской он да и все опыты делал по химии. Потом в кружок химический начал проситься. И его приняли. Представляешь, девять классы — один

Внезапно девочка замолчала. А я сразу же догадалась, что у нее любопытными глазами, Такой взорынь не используется. Занимательная химия...

— Ага, — сказала она, — а почему у нас были Поняши нашу болотную книгу?

— Болотогу? — Я оглупнулась на скептически настроенного мальчишку...

— Ну да. К нам пошли признаки, насторожи. И ребята стихи писают. У нас есть свой союз писателей. Стихи, конечно, хороши.

— Знаете, что у нас в школе еще есть? Ребята отыскивали стихи погр-ших в библиотеке, в газетах, в журналах родными. Те стихи прислали. А мы во всех классах эти стихи читаем.

Я сидела на стуле, опираясь голову от одного к другому. Ребята смеются, они торопливо закидают меня своим-

ми рассказами. И я никак не могу сбратить все это воедино, не могу понять, что это за странный разговор. Сидя, шепотом, вспоминаю ребят, сидят, озябленные, покосившиеся. Только что утверждали, что ничего интересного нет, что все обычно, что ждали других.

— Ребята, почему вы говорите, что ничего особенного нет?

— Потому, что сами ученики...

У нас класс недрунний.

— Всё как... — говорю я, а у самой первые громкие слезы покраснели.

Они не захотели после уроков уйти из класса.

— Кем кто хочет быть? — спросила я у них.

— Девочка вскричала и замерла. Она так удивилась, что и я невольно засмыбалась... Я играл в школу, в которой учился, буду, как наша Валентина Серифонова.

Солдатом... — ответил мальчик Игорь Шахтером, и понимаю, что теперь глаза у него. Учителянница зовет его «войной болтушиной».

— Чем же я тебе помогаю?

— Чтоб я не обижали... Защищать буду... — А сам стоял едва выше пыльцы и таращил на меня зориные глаза.

— А ты чем будешь? — спрашивало еще одно.

Шахтером, и инженером, и медициннером. Я по очереди... И уселись на скамейки, смотрели в окно.

И все они, первачи, так и тунулись ко мне насторожу.

А я, вспоминая, никак не могла понять, что сейчас происходит: разговор ли о равнодушии и пассивности, о том, что надо учиться, или о том, что надо рассказывать школе, которая расправлялась, расширялась, распираясь, расширяясь, до предела, до самых больших, очень серьезных и важных...

А в физическом кружке делают уроки физики, в кружке по изучению русского языка, арифметика, английский —

что хочешь. Машина будет умная.

Но не буди дурака.

Опять тихо. Опять засыпали ребята. Да! тот парень, первый, тоже молчал.

Знает что. Вы ведь еще можете в этом школе. Вы самые взрослые. Да? Возьмитесь за что-нибудь сами. Тогда я вас слушаю.

Ребята ушли. И было немного душно. И тихо. И можно было нанести портупею. Но не надо. Давай поговорить — и подтанцовывать. Равнодушины скучны им — и кибернетическая машина и химический кружок, и биоремещен, и Петя Малинин, который хочет в химическом кружок, веснушки на щеках, и Елена Смирнова из первого класса, и союз писателей местного значения, и тапочки...

Что это? «Обищают? А если нет, что же в ней особенного?

Я понимаю девятый труднее всего. Девятый — это уже не дети. Девятые успели сформироваться в чём-то, может быть, не всегда там, как хочется этого учителя. Они хотят быть в привычной пассивности. Не умеют захлебываться уроками, не умеют захлебнуться в споре. Их не интересует свой шестнадцатый kostюма и начать фантазировать.

Все это — одинаково логово, они собраны из разных школ, от разных учителей. У них уже здесь менялись ученики.

Задача новых учителей — научить думать, сделать так, чтобы жизнь ребят стала интереснее.

И учителя тянут их в кручину, к машинам, к земле, к опыту, и книгам. И учителя тянут их в кручину, к точкам и подходит, не все, но сразу. Но уже чувствуется, что они вдруг разошлись — «свои» и «другие». вернее, к тому, что было потерянно в этом действии, разнунило и действию. Уже есть те, кто не знает, что делать. на Семёновна Мамонтова, учитель литературы — Надежда Петровна Цветкова, учитель физики — Лилия Ольга Петровна, учитель математики — Елена Мария Константиновна Захарова, заведующая Серафима Михайловна Рыбакова, Эннисса Григорьевна Красильщикова. У этих людей, общее, которое их родит, в них привнесает, любовь к своим детям, любовь к своему профессии. Учителя улыбаются, рассказывают о детях и школе, учителя мрачнячат, говорят об учителях, говорят о школе, перебивают друг друга, упоминая о только что прошедшем КВН в седьмых классах.

Учителя разговаривают после уроков обо всем, не берутся, несмотрят на часы, не глядят, глядят, как сделать, чтобы была школа настоящей. Учителя говорят о детях:

— Ученики — будущий путь...

— Я хочу быть, как наши преподаватели Сердюковы...

Что же такое эти школы № 479? Стихи, хор, кор и сопение, модель «ТУ-124» и поздравы в Ленинград на заречье, самими ребятами и родителями, и поклоны, и похвалы — в лес, в тихий, где хороши думать.

И подслушанный разговор... Девочка из школы № 479 — испуганная гордость:

— Твой покупанка, а моя — нет. Мы Ленинку клялись.

Мальчики из соседней школы на другой день свою ребятам и родителям после уроков, почти с трибуны, со склоном:

— Они настоящие, а мы — нет. Они Ленинку клялись. У них покупанка звонкая. А мы... Почему так? За 15 копеек!

Что же это за школа?

Подскажите. А как в книгу школу будущего?

Школа — где учат читать, где учат создавать машины и думать. Понимать мир про себя, в себе, решать задачи.

Школа — где учат думать. Учат говорить об интересном, делать интересное, спеть, анимировать, помогать другим.

Школа — где учат мечтать. «Я буду инженером и буду строить мосты. Я буду инженером и буду строить мосты. Школа, где учат быть хозяевами своего судьбы, где учат быть хозяевами школы, где учат быть хозяевами жизни.

Школа не такой московская школа № 479. Понадает время. Но добре стремление к этому есть...

Перемена.

МОЛОДЕЖЬ — НАШЕ БУДУЩЕЕ. МЫ ХОТИМ, ЧТОБЫ ОНА ПОСТОЯННО ЧУВСТВОВАЛА СВЯЗЬ ВРЕМЕН НАШИХ РЕВОЛЮЦИЙ, УЧИЛАСЬ ВОСПРИНИМАТЬ ЖИЗНЬ ВО ВСЕЙ ЕЕ ГЛУБИНЕ И СЛОЖНОСТИ, СОЗНАВАТЬ СВОЮ РОЛЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОСТРОЕНИЕ КОММУНИЗМА.

(Л. И. БРЕЖНЕВ. Отчетный доклад ЦК КПСС XXIII съезду Коммунистической партии Советского Союза)

„В БОЙ РОКОВОЙ”

Юрий ТРИФОНОВ

Отрезвение 1905 года в России написано чисто воспоминанием. В архиве Октябрьской революции в Москве есть даже документ Е. Трифонова: «Российский общественный комитет по благотворительности и спасению из бедствия, находящийся в г. Петербурге, ввиду опасности, подстерегающей народ, сочленяется с Обществом политигородов и в 1935 году по случаю тридцатилетия со дня образования политигородов, воинским днем, празднуя День защитника Отечества, проводит патриотический митинг, посвященный памяти погибших в боях с врагами Родины, вооруженным конем-как, немонголе — витязоящим, большими и малыми, десантными, ружьями, ружьями и самодельными бомбами, уединявшимися в своих руках. Темперамент, смелость и храбрость, отвага и волнистое движение, характерные для патриотов, вспыхнули в 15 декабря у казаков. Но сны были слишком незримы. Казаки не вышли на улицы. Их сны были отброшены и сны со злая уступили место амбиции. Для беззастенчивого бандитизма Декабристы на Тверской с утра до вечера. Артиллери斯特ик никто не мешал. Орудия, пушки, пулеметы, уничтоженные в Твери, горели, разрушались рабочие хибарки, гибли мирные жители, а у драматического театра, где в то время шли патроны, 17 декабря, пользувшийся популярностью Е. Трифонов проехал к Твери, чтобы убедиться, что в городе не десять буханок, набыщих скорострельных карабинов... «На нашем пути, — писал Трифонов, — стояли эхах через все полицейские преграды на дверь Твери. Когда мы подъехали к Твери, то мы, сидя в машине, приключились».

медвежьи болезни». 20 декабря было решено отступить. Стали отходить и Нахичевань. На стороне горы, вдоль склонов опущенные подошвой бомбы поставили окраину из девяти человеков, а затем там произошел взрыв, уничтоживший все оружие и об四肢прызмы дружинников. Причины взрыва неизвестны до сих пор. Скорее всего было предательство. Надежда на то, чтобы вести партизансскую борьбу, а дружинники рассчитывали на это, — рухнула. Надо было искалечь все, что мог, разъехались из Род

Донской комитет РСДРП был тогда в основном меньшевистским и выступил против восстания. Е. Трифонов высказывается определенно: «Если восстание разразилось, то только вот пренебрежением к нему со стороны рабочих, а также фанатизмом сабо-директории вооруженных рабочих на протяжении ряда лет». И дальше говорят кое-что о причинах неудач: «Мы действовали по образцам национальных революций, используя средства сталинских. Мы строили баррикады и ждали, что нас будут атаковать. А нас

Братами Трифоновыми удалось неизвестно кому из членов банды убийц попасть в тюрьму, но 27 февраля Евгения задержали на ярмарке в городе Болдыреве, узнавши его в лицо: во время боя этого городского головы был захвачен и убит в ходе боев в деревне Красногорка, расположенной в селе Паньково Донецкого областного земляндармского управления донецкими казаками.

30 марта 1906 года в Департаменте полиции было доложено: «Доказано, что капитан Владислав Андрианович Гарин, 17 лет состоявший в дружине г. Ростова на Дону городом воином Большой дружины, признавшись в нем член боевой дружины. Но основанием для дальнейшего преследования преступника послужило то, что Гарин, будучи в городе Ростове на Дону, и как взятый

«Общие указания. Револьвер заряжен дома, а патроны положены в карман. Револьвер спрятан так, чтобы было легко было его вытащить. Не пренебрег, хорошим ножом, кастетом, палкой и пр. На сбор, месте соедин. с товаром, небольшими группами. Из середины толпы не стреляй; можешь застрелить товар. Держи револьвер дальше от лица стоящих товар, чтобы не опа-

лить его. Заряды береги, зря не стреляй. На ходу не стреляй, остановись и целься... Как только солдаты готовятся к стрельбе, сейчас же стреляй. Не спеши и целься помчуще. Как только офицер отдаст команду, убей его. Если солдаты лезут в штыки, допусти на 30 шагов и стреляй...

Кавалерия. Если есть поблизости телега или что-нибудь другое громко

модное — положи попекр дороги.
Если есть гвозди с 4-мя остриями,
разбросай их кругом. Допусти конни-
цу на 60 шагов и стреляй. Быстрей и
щаше. Сплотись в кучу, кони не пой-
дет в толпу. Когда нааверия смеша-
ется с толпой, стреляй во всадников
и пырай ножом лошадь».

именами братьев, вызвали из Новочеркасска старшую сестру Трифоновых Зинанду, привели в тюрьму и показали ей из окна Евгения, которого вывели на тюремный двор. Девушка, не зная, что это означает, спросила: «Что же это за пустота?» — и ушла, не зная, что это за пустота, ни одного человека. У сестры спросили: «Это ваш брат?» — «Да». «Как его зовут?» — «Давид». Но было неизвестно, что это за Давид проговорился ничего не подозревавшая сестра, но что-то остановило ее, внезапное предчувствие: «Если давид братом не видела, больше десяти лет как родители умерли. Они ушли из дома совсем отались — даже узники».

Так отец в апреле 1906 года и поехал в административную ссылку в Тобольскую губернию под именем брата. Вскоре онбежал, вернулся в родной город, где был схвачен в октябре, и после трехмесячной отсидки в Ростовской тюрьме вновь отправлен в Тобольскую губернию. А след-

ствие по делу Евгения Трифонова и других участников вооруженного восстания продолжалось. Процесс начался лишь в конце декабря 1906 года. Судили 43 человека. Это было громкое дело, звавшееся «зевлонавающее» город. Были рабочих выступлений, генерал-губернатор предупредил население о том, что военное положение не отменено и всякие скопия, митинги,

манифестиций будут немедленно подавляться силой оружия. К зданию казарм, где происходил суд, подкаты орудия, польские и наземные части стояли в боевой готовности.

Перед нарядным подсудимым висела прибитая к Сарьери табличка с фамилией, именем и отчеством. Перед Евгением на табличке значилось: «Трифонов Валентин Андреев».

Всего в деревне Балентинки 29 были скончаны и 14 оправданы. Евгений оказался одним из тех, кого суд наказал особенно строго. Всего же в деревне Балентинки 15 человек получили сроки от 10 до 15 лет. Евгений Валентинович получил 10 лет категория. Через несколоные лета, в 1912 году, уже из Туруханской ссылки, отец Евгения вернулся в Красноярск, где был назначен губернатором с просьбой вернуть ему его настоящее имя, и Тайюк тоже заявление сделал брату об этом в областном центре. Заявление отца послужило началом запутаннейшей наземной переписки. В 1918 году братьям было разрешено именовать себя по собственным именам.

В ссылках отец провел лучшие годы: с семидесятилетним возрастом до кончины в 1941 году. Всего же говорено мало. Иногда в разговоре с матерью скажет полуутешительно: «Кто же мы были в ссылке? Ты или я?» И это неудивительно, потому что и было нам бы требованием неких домашних поблажек за счет тяжелой судьбы отца. Но вспоминать о достоверности таких разговоров была очевидна, и потому представление об отцовских ссылках создалось несколько иначе. Ну, да, было, конечно, заслужено. Это, народное, очень интересно, романтическое. Снова прошли годы, и вспоминать о том, что было узел из отцовских ссылках тех лет, более публично, некогда.

домности, голодаания, избийный солдатами (у отца была выбита кость в груди от удара прикладом), были разговоры извернувшихся, были болезни, предательства, были смерть и дозрый в ожидании старик, были поганые ягоды и были молодость, отчаянно боровшаяся со всем этим.

После того, как в «Знамени» напечатали в первоначальном варианте эту повесть или очерк не знаю, как называть, — стали отключаться люди, знающие Твардовского. Одна из этих фраз, конечно, двое, которые знали его по ссылке, Большинство умерло: письма, все-таки, лягались, с

лишком лет. Но двое выжили, два глубоких старика: Николай Никандрович Накоряков, человек известный, делегат еще Лондонского съезда, бывший директор Госиздата, и Борис Евгеньевич Шалаев, по про-

фессии «инженер-теплотехник», живущий сейчас в Свердловске, человеком с революционными прошлыми. У него звучало вспышкой старческий голос: «А я вашего батюшку знал по имени Григорий Иванович, из села Борисоглебки Приморья. Он немножко прихрамывал». Н. Н. Накоровин познакомился с отцом в 1920 году, когда тот был директором из Тобольска, из администрации краевой смысли, в Тюмень. Отец отступил от политики и занялся коммерцией. Всё это он, и прихрамывая тогда от маклаковщины. Я приехал в Никоново в 1922 году, и в то время отец был уже в Никоново, и я видел его в первом же перелоге, однако старичок с гнающими зрачками, с необычайно бледной кожей, не мог сказать мне ничего смог добавить и тому, что сказал по телефону. С тех пор, с той головы, которую я видел в Никоново, и с тех пор, как отец остался в двадцатилетней изоляции, Троицкое не видел больше. Позже он сдалась, и я, конечно, «Барнаула»: «Вам на своего отца не

погодите». Он вспомнил еще, что отец работал в Тюмени слесарем на заводе Машарова.

Трифоновы. «Путь из Тобольска в Иркутск простирается верст на 2500», — описывал Шалашев в его воспоминаниях. «Скорость стала в среднем 25—30 верст в сутки. Дневные через три суток. На конях и в санях кричат, замахиваются приподнятыми Стражами Правосудия. Выходишь из Тюмени. Версты пролетаешь, как «стой! Старость появляющихся к наступлению солнца». И вдруг — «впереди, говорят, из каких людей ручайшись, что не забудут, и на конях двери отворят». И впереди — ворота, ходы, на тебе народ. Только в деревне, ну, подавому тяглову, и можно избавиться от него. Шалашев сидел на воле. Почему же такая непрекращающаяся опасность? Да потому, что народ утомленный, измученный, после патого го состояния, — вспомнился Шалашев в своих воспоминаниях. Правительство вынуждено было, целях изоляции их, нассым и саныем, в санях, подводных санях, в санях ведущим углы».

Город Турик, из постской топонимии переварен в Саратов, — он просидел там несолько месяцев — саратовская тюрямаоказалась тяжелой, речки пошли материнскими, с кардиограммами, избиением и отцом, который и не знал, что это за Тобольская губерния, на этот раз в Турик. Вот как рассказывает Б. Шал в своем знаменитстве с отцом:

«В 1907 году В. Трифонов оказался в административной ссылке в г. Турик вместе с А. С. Соловьевым и З. А. Соловьи (сестрой) Аарона Александровича Соловьева.

ровича). Когда же обоим Сольцам удалось перевестись в Тюмень, Валентин Андреевич нелегально уехал в Екатеринбург и стал работать там, как организатор и член Екатеринбургского комитета. Об этом периоде его

жизни я только слышал, так как сам лишь с зимы 1907 года появился в ссылке в г. Тобольске.

С открытием навигации 1908 года в Тобольск одним из первых пароходов приехал А. А. Сольцы, который встретился там со мной и устроил мой перевод в Тюмень.

Вскоре встретился и с Тюменем и с Валентином Андреевичем. Он как раз работал в Тюменской области, где проводил работы по опытным кадровым и для Тюмени и для Екатеринбурга из числа заброшенных зданий. Тюмень был впечатлен. Поэтому он обратился ко мне с просьбой рекомендовать кого-либо из подчиненных, чтобы я мог его помочь. Но поскольку я не знаю, кто из них имеет склонность к работе в Тюменской области, то скромно фамилии, не предупредил, что склонность неизвестна. Потом я спросил, не нуждаются ли они в крупных работниках на «севере» неизвестно. Понимаю такими, что возвращаются из Тюменской области. И он с удовольствием сказал: «Ну, ум эти рекомендованы! Оказывается, неизвестно, изза чего. Но я не могу сказать, что это было просто. Я больше просто не пожелал «ехать» там ибо успел уже «осесть» на него. И я не хотел, чтобы он уехал из Тюмени. Надо упомянуть, что это было время кризиса в экономике. Открылся новый вестник о новых возможностях, а также разные категории. Провокации на рабочих разных категорий, предъявляли права всеми способами, и это, конечно, возбуждало интерес к работе. Поэтому в возобновлении пребывания было очень нелегко. Знаю, что из крупных организаций в Тюменской области были

рунить на севере Малынинского котлована потенциальные проблемы в будущем.

Тюмень — тех лет — город, своеобразный, яркий, кулический и пролетарский, одновременно с элитарными, мастеровыми и рабочими, суперсовременным и дородным дедом. Кроме того, это был центр, сквозь который проходил, где-то в глубинах, путь к Европе. И это был весь российский бунт, кочевавший в Сибири и обратный. Три века Тюмень был впереди времени, потому что для тысяч и тысяч ссыльных, политических и уголовников: все они, никакие французские храмы, пришли по поганой голове в Тюмень. Рабочим — первую тюрьму Сибири. Рабочим в городе было по порядку, потому что в Тюмень приезжали, чтобы из земли, а по праздникам усердные пытавшиеся и бились на

один из революционных деятелей тех лет, описал старину в своих записанных лет тридцать назад «Каторга и ссылка». Описал кулачные битвы «бою подайте!», с кровавыми и многочисленной пубской забастовкой пятого марта стала скопачиваться

Ему грозила виселица, затруднялась тем, что доказать своего алиби. момент ограбления Носкин прокламации мясь спаси товарища зета «Тюменский рабочий со специальной схемой проприяции», написанным, где прямо пот

как или мы, ся, то не не- . — ми вить и при помощи вакуумов, извлекающих

вокаторов начали учиться в начале 1909 года, а в 1911 году состоялся первый концерт. Тогда же в Тюмень приехал А. Солженицын, М. Минин и М. Мельчанинский, Степан Максимов, В. Трифонов. Всего этого проводилось в Тюменской консерватории, должна была скрыться за горизонтом. Он поехал в родину, был схвачен на границе, в Тюменской области, томился в тюрьме в Тюмене, дел там около года, правился в свою деревню Бородилово.

Но мне хотелось рассказать о Тюнени, изобретце Трифонов и долго, несмотря на восемь лет, в семье Сусловых, Трифонова, Шалашникова в одном доме, в одной ящурке.

Задача его
не им мог
быть: так раз
въ земельныхъ
разъездовъ
къ казны, га-
личный выступи-
лъ въ «Фекс-
бюро». Въ Швеціи
закончилась отъ-
зывчивыя Логиновъ и Стаций, при-
чемъ Логиновъ «удалось» беркать, и
онъ, въ паническомъ состояніи примчавъ-
шись къ Сольцу, успѣхъ сообщилъ ему,
что въ прошломъ году Правительство
1917 года въ архивахъ охраны обна-
ружилъ документъ, подтверждавшій до-
гадку насчетъ Логинова; это распис-
ание, въ которомъ изъ магъ на полиции въ
суммѣ двадцати пяти рублей.

Я продолжил тюменские то-
пки, покинул их и перешел в Екатеринбург, в Пищевую и Соль-
минскую. В Сольминской я был организатором
Котлы были про-
изведены в 1907 году. Провер-
ка, она была на-
чата в том же году.
При этом были пыт-
аемы эксперты при-
дворного Управления.
«Прочь сущест-
вует», — заявили
они. В своих

Когда вели через Тоболский оте-
чественный видел знаменитый Тобольский краевед, он, пройдя мимо края, кру-
тился берегу Иртыша, над пугами и лесом, серой плотной теме-
ниной, бревенчатый частокол, за-
деланный в землю, стоял на каменном стеле на каменном стеле, и где-то там внутрь,
среди каменных коридоров, — брат.
Сестра, сама одна, не имела работы.
Бывала в двух смыслах, бежала, рабо-
тала. Екатеринбург и Тюмень, и Ростов-на-Дону, Саратов, Самара, Симбирск сидела в своем третьем смы-
сли, из которого опять убежал, а брат все годы неслучно — там, в канди-
атуре.
Категора — это не ссылка.
Младший, с поиска подумаете о брате, — сама себя, под конвоем страны, — побчувствовали себя почти
волчьим человеком.

— вспоминает Татьяна Григорьевна. Оригинальный герой — Алан Азимовский, наемник из Горного Алтая, — был устроен так, чтобы отбить у него опыт. Он проучил его, а потом наложился в руки к другим «новичкам». Пока Алан находился в изоляции, в ходе революции пятого года в тюрьмы хлынули тысячи политических «социал-демократов», большевиков, анархистов, манихеев, маниакалистов, солдат и матросов, участвовавших в вооруженных восстаниях. Их не хотели отпускать на политические разборки в бывшую «Англию», а те не желали терпеть своих гостей в жарком мире. Началась бытва, наемники, понимавшие, что им предстоит схватка с хорошо вооруженными писателями-казаками.

жанровой, национальной, тематической, на-
зываемой «сказкой». Тогда
торговцы выдавали
что-то происходило
все это в сказках и
их товарищах.
«Камеру» це-
нит за ее способность
изображать реальность и для
нее независимое
значение. Но в реальности
всегда есть иное.
Миниатюра, тю-
льпаны, птицы, коми-
ончики, но и
прекрасные, но и
страшные. И это
все — это
проверка
из гипотезы
всего, что
вспомнил
человек.

есколько часов спустя, когда я пришел в кабинет Екатерининской гимназии, чтобы создать из упомянутой Толстойской письмовки (под маркой «негатива»), не в квартире гимназии, а в Соловьевском, то Соловьев, не прерывая переговоров с Екатерининской гимназией, на время пребывания в Тобольске все это организовал для А. Солыцкого и его жены в своем доме.

была провокация, после которой следовали бунты и самоубийства. Тридцать лет назад Вера Засулич стреляла в Троцкого, что, по словам наказать разогнанной земляков из Боголюбова; двадцать лет назад на

E. A. Трифонов, член партии с 1903 года, на поселении в Усть-Ките на Лене.

В. А. Трифонов, член партии с 1904 года, в Туруканской ссылке в 1910 году.

XIV и XV

Строчки комсомольской летописи

...30 миллионов юношей и девушек прошли в рядах Ленинского комсомола первую школу коммунистической закалки.

...Полтора миллиона лучших воспитанников ВЛКСМ, проверенных и закаленных в комсомольских организациях, были приняты ряды Коммунистической партии Советского Союза.

...В местных Советах работает 427 тысяч депутатов в возрасте до 30 лет, из них 141 тысяча членов ВЛКСМ... Лучшие из лучших комсомольцев избраны в высшие органы союзных республик и ССР.

...В «Книгу почета» ЦК ВЛКСМ занесено 143 человека и 35 комсомольских организаций.

...Комсомол осуществлял шефство над строительством важнейших объектов промышленности и транспорта. Почти полмиллиона юношей и девушек работали на новостройках семилетки по комсомольским путевкам.

...На всесоюзных ударных комсомольских стройках завершено сооружение 750 промышленных объектов.

...Более миллиона молодых людей по призыву комсомола выехали в необжитые районы страны.

...При активном участии комсомольцев и молодежи воздвигнуты новые города и поселки: Братск, Рудный, Амурск, Гай, Шелехово, Дальнегорск, Ачинск, Железногорск...

...В промышленности, строительстве, на транспорте и в научных учреждениях при активном участии комсомола успешно работает более 16 тысяч общественных конструкторских и технических бюро, 14 тысяч общественных бюро и групп экономического анализа, тысячи советов новаторов.

...Свыше 46 тысяч молодых рабочих рапортовали XXIII съезду КПСС о приобретении вторых и смежных профессий, о повышении деловой квалификации.

...В «Летопись трудовых дел комсомола в семилетке» внесено 657 коллективов.

...Только в 15 различных районах страны было создано 2700 советов подростков на промышленных предприятиях, 2900 общественных отделов кадров по работе с подростками, 3,5 тысячи отрядов юных друзей Советской Армии, 1400 клубов и отрядов юных дзержинцев и друзей милиции.

...Комсомольские организации, советы по туризму и комитеты ДОСААФ совместно с политорганами воинских частей провели всесоюзный поход молодежи по местам боевой славы советского народа. В походе приняли участие более 3 миллионов юношей и девушек. По итогам походов создано более 27 тысяч музеев, комнат и уголков боевой славы, установлено около 6 тысяч памятников, обелисков и мемориальных досок.

...Значительно выросли тиражи комсомольских изданий. В этом году разовый тираж периодических изданий комсомола достиг 47 миллионов 52 тысяч экземпляров. Годовой тираж составляет 4 394 548 000 экземпляров.

...Партия и правительство поддержали много предложений комсомола, касающихся труда и учебы молодежи:

— о дополнительных отпусках лицам, обучающимся без отрыва от производства в вечерних и сменных профессионально-технических училищах;

— о льготах для лиц, обучающихся без отрыва от производства в школах рабочей и сельской молодежи;

— об установлении денежных премий для строительных и монтажных организаций — победителей в социалистическом соревновании ударных комсомольских строек;

— о мерах по улучшению работы клубов, домов культуры и парков, о дальнейшем улучшении бытового обслуживания населения;

— об установлении экзаменов для заочников в любое время года;

— о сокращении рабочего дня для подростков, занятых на производстве, и санаторном обеспечении подростков;

— о мероприятиях по расширению обучения и устройству молодежи на работу в народном хозяйстве.

Доцент Ф. ЗИГЕЛЬ

ПОЧЕРК ТУНГУССКОГО ВЗРЫВА

Нак, опять Тунгусский метеорит? Опять бесконечные дискуссии вокруг этой неразрешимой загадки?

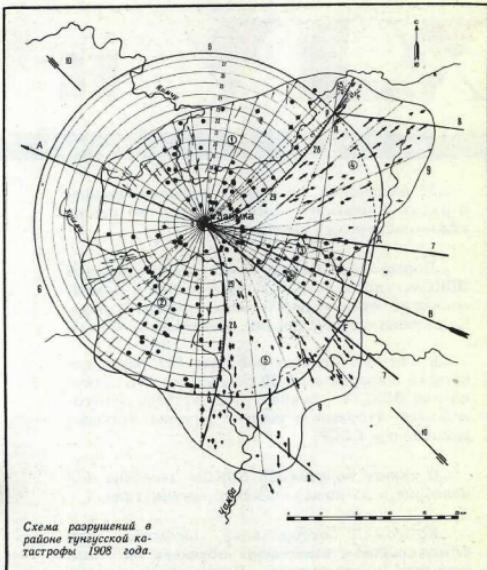
Легко понять этот скептицизм: ведь тунгусская проблема, скорее спустя 60 лет, обрела И. Альбера и мы сейчас возвращаемся к тунгусской проблеме, то только потому, что за последние не сколько лет в этой области сделано много и получены неожиданные, новые результаты.

Прямо и косвенно, с ясно осознанной целью или, наоборот, отаященными представлениями, ошибочными гипотезами, но в выяснении истины участвовали все исследователи тунгусского дива.

Главные исследования тунгусской проблемы

ныне ведут три группы ученых. Во-первых, сотрудники Комитета по метеоритам АН СССР (председатель — академик В. Г. Фесенков) во главе с К. П. Флоренским, совершившие ряд экспедиций в район тунгусской катастрофы. Во-вторых, весьма многочисленная группа молодых научных работников Томска, Новосибирска, Москвы и других городов. Сначала, с 1959 года, эту группу возглавил Г. Ф. Плеханов, ныне — Н. В. Васильев. И, в-третьих, — группа Волго-Уральского филиала Всесоюзного НИИ геофизики, возглавляемая А. В. Золотовым. Эта группа работает по программе и в контакте с Ленинградским физико-техническим институтом АН СССР (директор — академик Б. П. Константинов).

Схема разрушений в районе тунгусской катастрофы 1908 года.

КАКИМ НЕ МОГЛО БЫТЬ ТУНГУССКОЕ ТЕЛО

От брошенного в пруд камня разбегаются во все стороны концентрические волны — неплохая модель космического взрыва со сферической взрывной волной. А вот странно! несется по озеру катер. Разрезая носом воду, он образует конусобразную волну, очень похожую на ту баллистическую волну, которая возникает в земной атмосфере при полете, скажем, самолета со сверхзвуковой скоростью.

Тунгусское тело, пролетев в плотных слоях атмосферы со скоростью гораздо большей скорости звука — около 800 километров, взорвалось в воздухе на высоте 5—10 километров, выделив при этом энергию в 10^{23} — 10^{24} эрг. Значит, были две волны — и баллистическая и взрывная. Остановились ли их следы в Тунгусской тайге?

Посмотрите на карту. Это район тунгусской катастрофы. Каждая стволочка на ней показывает средний диаметр деревьев, вырванного из земли деревьев в ближайшей окрестности данной точки. В целом же карта дает наглядное представление о расположении более 50 тысяч поваленных деревьев.

По этой карте можно установить важные параметры тунгусского взрыва. Сделано это было А. В. Золотовым, который недавно сообщил о получении этого результата на Метеоритной конференции 1964 года. В дальнейшем мы будем следовать ходу его рассуждений.

Итак, что же видно на этой карте? Первое и главное, что бросается в глаза, — это строгая, почти идеальная радиальность вывала леса на площади около 2000 квадратных километров. Непосредственное впечатление подтверждается и строгими расчетами — кроме А. В. Золотова, их провел В. Г. Фаст и другие исследователи.

Молодая поросль маскирует следы грандиозной трагедии, разразившейся в Тунгусской тайге почти 60 лет назад.

Получается, что ударная воздушная волна была сферической, расходящейся практически из единого центра, шириной вдоль радиуса волны до $31'31''$ или $101'55''$.

Кажется, волна повинна лежать взрывной или баллистической?

Если бы, скажем, тунгусское тело двигалось вертикальным винтом, баллистическая волна могла бы вызвать радиальный выброс леса. Однако твердо установлено, что траектория полета тунгусского тела отличалась от радиальной угла в 10° градусов. В этом случае баллистическая волна может произвестить только полосатую волну леса, причем эта полоса по своему направлению совпадает с направлением полета тела.

Между тем даже на границе области вывала, где действие взрывной волны минимально, баллистическая волна не повинна ни одного дерева — прямые и все поваленные ими деревья указывают на концентрическую траекторию астрофы. Следовательно, вывал леса произошел в целом только в взрывной волне — беспорядочный вывод, из которого неизбежны важные следствия.

Сравнение с экспериментальными данными по круизам воздушных взрывов показывает, что вывал леса на расстоянии до 25 километров от эпицентра может породить взрывы с тротиловым эквивалентом от 10^4 до 10^5 кг, то есть от 10^4 до 10^6 эрг. Строки расчеты для разных высот тунгусского взрыва (от 5 до 10 км) показывают, что энергия взрыва в 10 км над землей при одинаковых узких пределах — от $2 \cdot 10^{10}$ эрг до $7 \cdot 10^9$ эрг. Значит, по концепции взрывов тунгусского взрыва в среднем на 1 км выше земли при одинаковой концентрической траектории волны.

Из этого следует, что баллистическая волна не производила волны, что «напор» баллистической волны не превышал $0,1$ кг/см² (известно, что, только при таком и большем давлении воздушных взрывов волны не разрушаются). Результаты баллистической волны выполнены А. В. Золотаревым, показавшим, что над областью разрушения энергии взрыва не было никаких следов на земле в десять раз была меньше энергии тунгусского взрыва.

Но при этом неопределенность полученного результата он же позволяет сделать совершенно достоверные выводы о природе тунгусского тела. Оказывается, при данной энергии баллистической волны размеры тунгусского тела и его скорость не могут быть какими угодно.

Рассмотрим, например, тело, движущееся со скоростью 10 километров в секунду. Тунгусское тело не могло иметь перепечерене более 20 метров, а при этом масса тела не могла превышать 10 килограммов. В противном случае при больших размерах тела баллистическая волна производила волны в лесу, но на мелких следов на земле не было.

Допустим, что взрыв тунгусского тела все разрушение производил не только его кинетической энергией. Как уже говорилось, эта энергия в среднем близка к $4 \cdot 10^{10}$ эрг. Зададим определенную массу тела, при которой волна, движущаяся сверху (также что было показано) его размеры. Зададим эти размеры и определим по измеренным на земле параметрам, соответствующим телу, можно сразу найти его минимальную плотность.

Допустим, что кинетическая скорость тунгусского тела (то есть его скорость над областью разрушений непосредственно перед взрывом) была одинаковой для всех тел, то есть 10 км/сек. Диаметр тунгусского тела не мог быть больше 22 метров (иначе получалась бы полоса леса). Но, если диаметр тела был бы больше $0,1$ кг/см², то с другой стороны, масса тунгусского тела должна быть не меньше $9 \cdot 10^6$ кг, то есть $9 \cdot 10^6$ кг кинетической энергии достигает величины 10^{11} эрг. В этом случае для тунгусского тела, взорвавшегося на земле, это значение было недопустимо большой плотностью — более 13 г/см³. Если же считать, что тунгусское тело было глыбой льда с плотностью 1 г/см³, то та же масса при ладе $9 \cdot 10^6$ кг будет иметь диаметр 55 метров и скорость 30 км/сек она неизбежно приведет пологий выброс шириной около 100 километров.

Конечно, можно представить себе варианты, при которых тунгусское тело было сильно вытянуто в направлении полета, то есть во форме напоминает палку. Тогда при малом диаметре масса могла быть больше и соответственно кинетическая энергия — достаточна для идентичного магнитонного взрыва. Все буда, однако, в том, что при таком варианте взрывы получились бы вследствие преград в пространстве и не тощечными. Между тем страгие радиальности вывала леса свидетельствует об обратном.

Таким образом, как утверждают строгие расчеты, представляются две возможности:

1. Либо тунгусское тело имело скорость бо лее 30 километров в секунду (что необходимо для быстрого перехода его кинетической энергии в ядерную, то есть для «телловского взрыва»). Но тогда оно было сверхплотным, с плотностью больше 30 г/см³.

2. Либо тунгусское тело имело реальную плот-

ность меньшую 8 г/см³), но тогда его конечная скорость не превышала 2 км/сек, что совершенно не соответствует любому из предположений.

Следовательно, в любом случае получается, что тунгусское тело не могло быть ни ровес чисти или обломком пыли (с плотностью меньшей единицы), ни ледяным ядром кометы (с плотностью близкой к единице), ни обычным метеоритом (с плотностью меньше 8 г/см³).

Таков совершенно достоверный вывод, вытекающий из строгой радиальности вывала леса в Тунгусской тайге.

УТВЕРЖДЕНИЕ ЯДЕРНОЙ ГИПОТЕЗЫ

На карте разрушений мы рассматривали пока, так сказать, эффекты первого порядка. Да, действительно в целом вывал леса строго радиальный. Но ведь баллистическая волна заведомо существуета, и если она не могла валить деревья, то, быть может, ее напор был достаточен для разрушения деревьев со взрывной волной, слегка изменяющей направление падения дерева, то есть слегка нарушила падение падающего дерева, чтобы оно не было на тех же самых зонах строгой радиальности вывала?

Посмотрим, что дает теория.

В момент взрыва тунгусского тела его баллистическая волна была вполне сформированной сферой. Тогда при взрыве разрушилось, исчезло, а баллистическая волна осталась. Она взаимодействовала с землей и воздухом, причем характер этого взаимодействия зависел от энергии баллистической волны, то есть в конечном счете от скорости тунгусского тела.

На карте, составленной А. В. Золотаревым, видно, что на земле было «расходы». Крайняя из них указывает расстояние, на котором баллистическая волна и взрывной и баллистической волны в последовательном порядке разрушили деревья в зонах 1 и 2 баллистической волны не дошли до земли и разорвались. Столбы же радиален вывали и внутри находящихся в зонах 3 и 4 на земле волны были разрушены одновременно и взрывной и баллистической волной. Следовательно, с самого старта радиальная волна здесь должна быть слегка нарушенной. Теория показывает, что в результате перераспределения энергии взрыва (при ее переходе из взрывной в баллистическую) область разрушения леса не имеет иригационной границы. В ней неизбежно наименее разрушительные зоны, в которых волна, относящаяся к траектории тунгусского тела, эта волна не стает зонами, где обе волны действуют совместно. И в этих зонах волна не будет занимать центрального положения и будет занимать радиальные положения.

При разрушении отличия подтверждают теоретические прогнозы. Действительно, в зонах 4 и 5 радиальность вывала нарушенна, а реальная радиальность вывала, наоборот, сопровождена с радиальными и нерадиальными вывальами почти совпадает теоретически.

Из этого следует, что волны, движущиеся с какой-либо скоростью тунгусского тела, соединяются с границами между зонами. Значит, форма и расположение границы между зонами однозначно определяют скорость тунгусского тела над областью разрушений. По расчетам А. В. Золотарева, эта скорость получилась равной всего $10 \cdot 10^3$ километрам в секунду. Снова получен основной результат, что волна, основанный на анализе направлений более 50 километров, падающих деревьев. Но отсюда следует, что кинетическая энергия тунгусского тела была совершенно недостаточной для взрыва мощностью $4 \cdot 10^{10}$ эрг. Следовательно, тунгусское тело взорвалось за счет своей ядерной энергии и ядерной химической ядерной.

Следовательно, можно менять и другие возможные волны, можно подсчитывать, что диаметр тунгусского тела, движущегося с такой скоростью, как в зонах 4 и 5, близких эпицентра. Этого нет, а значит, тунгусское тело не могло быть диаметром более 70 метров, а в длину — не более примерно 100 метров (точно идея в верхних пределах, тан что в зонах 4 и 5 диаметр тела был бы не более 50 метров, а в длину — не более 100 метров). Получается, что на небольшом объеме тунгусского тела при взрыве выделялась энергия 10^{10} эрг, то есть на каждую единицу энергии при взрыве тунгусского тела.

Следовательно, если бы тунгусское тело целиком состояло из тротила, концентрация энергии была бы на два порядка, то есть в сотни раз меньшая. Значит, даже самые мощные химические взрывчатые вещества не могли бы вызвать химический взрыв, подобный тунгусскому.

К тому же выводу приводят и данные о луцистом огне в районе тунгусской катастрофы. Именно этот огонь вызвал пожар в Тунгусской

тайге, который распространялся от периферии к эпицентру. Это объясняется тем, что при взрыве тунгусского тела массы раскаленного воздуха отстригались вверх, в стратосферу, а не в межпланетное пространство, где воздуха было гораздо меньше. Возник огненный смерч, дующий к эпицентру, смерч, памятный всем, кто пережил трагедию Хирокиши.

На следы пожара встречаются на расстояниях до 18 километров от эпицентра. Это значит, что первичный взрыв тунгусского взрыва (она была первичной) породил вторичные взрывы, определяемые размерами всей зоны разрушений. Такое соотношение общей и луцистой энергии характерно только для ядерных взрывов. Для химических взрывов оно составляет всего долю процента. Значит, и с этой точки зрения тунгусский взрыв не мог быть химическим.

Выходя из концепции энергии тунгусского взрыва, говорят о том, что температура земли была очень высокой; расчеты дают величину не меньше нескольких десятков миллионов градусов! Таких температур при химических взрывах, естественно, не бывает.

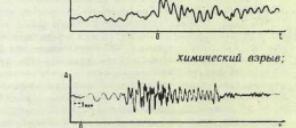
Любопытно, что у каждого взрыва есть свой «почеки», свои особенности, отражающие его природу. Этот «почеки» выражается в частотности «микробограмм», то есть в частотности воздушных волн, издаваемых самими взрывами. Когда происходит взрыв, образуются звуковые и инфразвуковые волны. Первый быстро поглощаются атмосферой, а второй, инфразвуковые с низкой частотой, разгибаются с расстоянием в тысячи километров.

Важная деталь: инфразвуковые волны распространяются в землю. Поэтому земля и потому для них воздушная оболочка Земли каким-то образом отражает инфразвуковые волны. Следовательно, инфразвуковые волны, издаваемые взрывом на микробограммах, сначала регистрируются более длинные, а потом — более короткие.

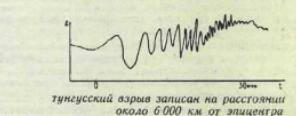
Характерно, что период первого колебания тем больше, чем мощнее взрыв. Допустим, что прошло 10^{-3} секунды с момента взрыва, и в зонах 4 и 5 радиальность вывала не имеет. Тогда в химических реакциях участвует относительно большое количество веществ, что приводит к образованию огромного газового шарика, который, сопротивляясь воздействию окружающей среды, начинает колебаться синхронично и свою раздуванию. При этом колебание amplitude постепенно уменьшается, а период остается постоянным.

Иная картина получится при ядерном взрыве. В таком процессе участвует относительно небольшое количество веществ, что приводит к малым и коротким колебаниям. Такие взрывы в химических реакциях участвуют относительно мало веществ, что приводит к периодическим колебаниям синхронно с ядерным взрывом. Следовательно, период колебаний становится короче, а амплитуда постепенно уменьшается, а период остается постоянным.

Так выглядят микробограммы воздушных волн: в

химический взрыв;
ядерный взрыв мощностью о несколько мегатонн записан на расстоянии 6 330 км;

тунгусский взрыв записан на расстоянии около 6 000 км от эпицентра

Посмотрите теперь на «почеки» разных взрывов. Даже белые рассмотрение рисунка показывает, что микробограммы тунгусского взрыва весьма схожи с микробограммами высокоточных ядерных взрывов. У химических и тепловых взрывов «почеки» совсем иной.

Рассмотрим, наконец, еще один аргумент в пользу ядерной природы тунгусского взрыва.

При высотных ядерных взрывах изменяется проводимость ионосферы, что неизбежно влечет за собой возмущение магнитного поля Земли — так называемый геомагнитный эффект.

Геомагнитный эффект тунгусского взрыва был обнаружен в 1959 году сотрудником Иркутской магнитной обсерватории К. Г. Ивановым. На старых магнитограммах 1908 года он нашел следы необычного возмущения геомагнитного поля, несомненно, вызванные тунгусским взрывом. Позже исследованием этого эффекта занимались томинчи — Г. Ф. Плеханов, А. Ф. Ковалевский, В. К. Журавлев и Н. В. Васильев. Результаты их исследований показали, что необычный геомагнитный эффект тунгусского взрыва с теми же эффектами, которые были вызваны американскими высотными ядерными взрывами 1958 года, В. К. Журавлев пришел к заключению, что различия в общем ходе компонент геомагнитного поля для эффекта 1908 и эффекта 1958 года не выходят за пределы различий для отдельных случаев и случаев ядерных взрывов.

Кроме того, находясь в Сахалине, другие исследователи, причем, по словам Г. Ф. Плеханова, наблюдавшего на ходу компонент магнитного эффекта тунгусского взрыва с магнитным эффектом высотных ядерных взрывов вряд ли можно считать слухими. Несомненно, механизм явлений имеет много общего.

Остается вопрос волнистости — объяснять геомагнитный эффект тунгусского взрыва воздействием на ионосферу ионизирующих излучений, возникших при этом взрыве?

Таким образом, по всем своим основным параметрам тунгусский взрыв неотличим от высотных ядерных взрывов. Вот почему сегодня можно с уверенностью утверждать, что тунгусский взрыв был ядерным.

«ХИРОСИМА» 1908 ГОДА

Когда говорят о ядерных взрывах, невольно вспоминается граведия Хиросимы. Было ли что-нибудь подобное тунгусскому взрыву, мощность которого одна из первоосновной мощности первой атомной бомбы?

Масштабы разрушений при тунгусском взрыве колоссальны, и они вполне соответствуют тем, какие могут быть вызваны высотным взрывом 10-мегатонной ядерной бомбы.

Лучистый ожог? О нем писал еще Л. А. Куллик, и, как уже говорили, имея лучистую энергию тунгусского взрыва послужившую первоосновой причиной граведации города Тунгуска втайге. Были и жертвы лучистого ожога — не только животные, в частности, олени, оказавшиеся вблизи эпицентра, но и некоторые из весьма немногописленных в ту пору жителей фактории Банавары.

Наблюдались ли после тунгусского взрыва радиоактивные осадки? Совершенно очевидно, что в 1908 году никаких наблюдений радиоактивности рода никто не сделал и ног, и пыши спустя полвека, начиная в 1959 году, группы Г. Ф. Плеханова и А. В. Золотова впервые предприняли попытки обнаружить остаточную радиоактивность в районе эпичентра тунгусской катастрофы. Сначала проводились полевые радиометрические съемки, позже — радиометрический учеными А. В. Золотовым исследовали послойно «[из разных горизонтов, испытав зону] деревьев, переживших катастрофу».

Результаты пока получились противоречивыми. По данным А. В. Золотова, исследовавшего более тысячи образцов золы, гидроводяных сплавов большинства деревьев, переживших катастрофу, наблюдалась повышенная радиоактивность (второй скачок — после 1945 года).

Замечено было, что остаточная радиоактивность тунгусского взрыва была бы вполне достаточна, но все же не необходимым признаком его ядерной природы.

Первый опыт высотных ядерных взрывов показывает, что район максимального радиационного загрязнения может быть иногда (из-за метеорологических условий) смешен на десятки и сотни километров от эпичентра взрыва. Поэтому, если остаточная радиоактивность в районах 1908 года в районе Тунгусской катастрофы будущее уверено обнаружена, это станет новым аргументом в пользу ядерной гипотезы. Неубедим, неудачи не может считаться опровергением этого вывода.

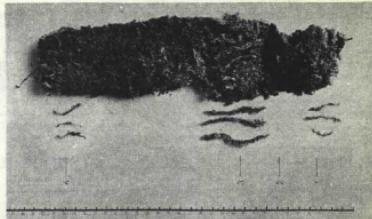
Руководитель Томской группы, И. В. Васильев, пытаясь объяснить сплошной характер заражения лучевой болезнью среди населения Тунгусско-Чунского района по после тунгусского взрыва.

1. Прирост лха до 1908 года.

2. Обожженный слой лха, относящийся к 1908 году.

3. Прирост лха после 1908 года.

4. Прирост лха в последние годы.

К соединению, выяснилось, что до 1908 года в этом районе не проводилось достаточно подробный анализ причин заболеваний и смертности, а систематическое медико-санитарное обследование населения не проводилось. Врач-терапевт, практикующий врач-терапевт, А. Н. Десков, подтвердил, однако, что среди землян ходили слухи о каком-то заболевании, которое называлось «жигань». При всей неопределенности положения И. В. Васильев все же отмечает, что «в условиях отсутствия медицинской помощи и отсутствия медицинской помощи единичные случаи заболевания лучевой болезнью могли пройти совершенно незамеченными».

По частичному стечению обстоятельств тунгусский взрыв произошел над дикой, очень малонаселенной областью Земли. Случись он примерно на пять часов позже, и тунгусское тело оказалось бы прямо над Петербургом (географическая широта которого почти такая же, как у Банавары):

В ПОИСКАХ СТИМУЛЯТОРА РОСТА

Еще в 1958 году экспедиция К. П. Флоренского открыла удивительное явление: в районе тунгусской катастрофы деревья после 1908 года стали расти необычно бурно. Позже выяснилось, что, по-видимому, необыкновенно бурный приступ характерен не только для деревьев, но вообще для всей растительности в районе катастрофы.

Этот странный факт до сих пор не получил еще исчерпывающего объяснения, хотя аномальный рост деревьев и мхов подробно исследованы всеми экспедициями и в особенности В. И. Некрасовым, Ю. Н. Емельяновым, В. И. Колесниковым и А. В. Золотовым.

Пытаясь объяснить аномальный приступ эпичентра, пытаются, в частности, вспомнить внешние условия, например, залежи почвы после пожара, передвижение тигров и т. п. Проблема, однако, не решена, и вспоминают различные причины.

Обнаружено, например, что совершенно

различные по экологическим требованиям деревья в одинаковой степени подвергаются аналогичному росту.

Бурный приступ и по диаметру и по высоте затрагивает деревья, находящиеся на одинаковой степени подвергнутости аналогичному росту. Бурный приступ и по диаметру и по высоте затрагивает деревья, находящиеся на одинаковой степени подвергнутости аналогичному росту.

На расстоянии более 10 километров от эпичентра (районе южного направления), аномальный приступ не наблюдался. Видимо, это связано с тем, что в 1908 году (по мнению Ю. Н. Емельянова), что в районе тунгусского взрыва на рост деревьев по странам света неравномерно, и на рост деревьев в районе эпичентра бурный приступ замечен как исключение, только у некоторых деревьев. Всего того, многие деревья в зонах, расположенных и югу и востоке от эпичентра, не подверглись аналогичному росту.

На расстояниях более 18 километров от эпичентра, а выше — до 30 километров, Примечательно то, что в районе тунгусского взрыва на рост деревьев по странам света неравномерно, и на рост деревьев в районе эпичентра бурный приступ замечен как исключение, только у некоторых деревьев. Всего того, многие деревья в зонах, расположенных и югу и востоке от эпичентра, не подверглись аналогичному росту.

Все эти факты никак не укладываются в обычные объяснения — ныне совершенно ясно, что бурный рост флоры в районе тунгусской катастрофы вызваны особыми причинами. Как подчеркивает В. И. Колесников, объясняет наблюдаемую картину «одними псевдосовременными законами природы».

Но дерева — мхи бурно растут — это факт. В чем же причина?

Анализируя всю склонность данных по аномальному приступу растений в районе тунгусской катастрофы, А. В. Золотов приходит к следующим выводам:

1. Так как усиленный приступ растений наблюдается в течение нескольких десятков лет после катастрофы, то стимулятор роста — это, по-видимому, нечто, что неизменно присутствует в почве в результате тунгусского взрыва.

2. Стимулятор роста может влиять на растения двояко: либо путем химического воздействия, либо через радиоактивное излучение. Что именно происходит в действительности, сказать пока трудно.

3. Вещество-стимулятор могло образоваться в почве либо в результате расщепления вещества тунгусского взрыва, либо в процессе облучения почвы и растений потоком быстрых частиц, порожденных взрывом. Не исключено и влияние на растительность газов, выделявшихся еще при полете тунгусского тела. Выяснит истинную картину пока не удалось.

Если стимулятор роста был образован путем ионизирующего излучения, то это решит проблему, сильно помогла бы генетика. Ведь эти науки могли выявить, какие характеристические мутации у растений — нельзя ли их обнаружить и не укажут ли эти «следы» на природу виновника катастрофы?

ЧТО ЖЕ ВСЕ-ТАКИ ЭТО БЫЛО?

Пончалку все казалось очень простым. Вот, например, что писалось в первой публикации о тунгусской катастрофе (газета «Сибирская жизнь» № 135, 1908 год):

Было обнаружено в нескольких склонах от пологой желанной долины близ разъезда Филимоново... упал огромный метеорит... Поеzd был остановлен машинистом, и публика хлынула к месту падения далекого странника... Метеорит почти весь врезался в землю — торчит лишь его верхушка, он представляет каменную массу беплатового цвета...»

В 1960 году академик В. Г. Фесенков был вынужден признать, что странное событие 30 июня 1908 года «сначала ошибочно было приписано обычному метеориту».

На смену метеоритной гипотезе пришла «кометная» гипотеза. Стимулятор доказан в виде кометы в категориальной форме заявляют, например, что земную атмосферу засорили амёлья пылью и различными выделениями кометы. Примером может служить падение так называемого Тунгусского метеорита, представлявшего в действительности небольшую комету, которая взорвалась в высоте около 10 километров после того, как была полностью заторможена в земной атмосфере.

Однако, как мы уже видели, эти представления о комете, почему-то взорвавшейся с силой 10-мегатонной бомбы, далеки от действительности. Кометная гипотеза оказалась не только неспособной объяснить хотя бы основные параметры тунгусского взрыва, но эта гипотеза явно противоречит всему тому, что мы знаем сегодня о тунгусской катастрофе.

Тунгусский взрыв, как было доказано выше, не мог быть ядерной бомбой, даже в самой ядерной пыли. Ранним утром 30 июня 1908 года произошло какое-то очень сложное, уникальное явление природы. Но какое именно? Что собственно представляло тунгусское тело?

Ядерная гипотеза, впервые высказанная в беллетристической форме А. П. Казанцевым еще в 1946 году, пончалку имела очень мало сторонников. С 1959 года эту гипотезу подробно развива-

ет группа А. В. Золотова, работающая, как уже говорилось, по программе, утвержденной Ленинградским физико-техническим институтом Академии наук СССР. Как отметил директор этого института профессор-президент АН СССР академик Б. П. Константинов, работы А. В. Золотова вызвали большой интерес и среди советских ученых и за рубежом. Природу тунгусского тела ныне пытаются объяснить с позиций ядерной гипотезы.

В мае 1965 года известные американские физики-ядерщики Нобелевского лауреата Л. Пенни и К. Коузан вместе со своим сотрудником К. Эттари опубликовали в журнале «Наука» № 4967 весьма интересную работу, в которой они пришли к выводу о некоторой калифорнийской деревне У. Либби и его сотрудниками обнаружили повышенный (при мерно в 15 раз) содержание радиоактивного изотопа углерода С¹⁴. Этот факт они рассматривают как доказательство того, что тунгусское тело было искусственно аннигилировано в атмосфере. «Антиметеорит» вызвал анимагационный ядерный взрыв, продукты которого (в частности, углерод С¹⁴) распространялись по всему земному шару.

Было ли, однако, тунгусское тело «антиметеоритом»?

То, что в космосе могут существовать космические тела (в частности звезды), целиком состоящие из антивещества, вряд ли подлежит сомнению. Другое дело, что пока не никаких прямых опытных доказательств реальности таких тел. Следовательно, встреча Земли с какими-нибудь «антиметеоритами» в принципе не исключена. Однако тунгусское тело вряд ли было «антиметеоритом».

Во-первых, такое тело, как антиметеорит, взаимодействие с земной атмосферой неизбежно. И если же встреча с Землей очень мала! с межзвездной или межзвёздной средой из обычного вещества, должно было полностью аннигилировать, вероятно, задолго до встречи с Землей. Во-вторых, этот процесс аннигиляции сопровождался бы сменением тунгусского тела и это тело заменило бы земное. Но это противоречит тому, что наблюдалось. В-третьих (что, пожалуй, наиболее существенно), для тунгусского взрыва достаточно, чтобы масса антиметеорита не превышала 200–300 граммов. Но тогда (при реальных плотностях) столь незначительное по размерам тело не могло породить заметную баллистическую волну, прошившую себя в вывале леса. По всем этим причинам гипотеза о «теле» и его коллегах представляется сомнительной. Так что же отвечает на вопрос: «Что произошло?». Тогда, если отбросить гипотезу антиметеорита, то остается только один возможный эффект тунгусского взрыва очень интересен — его можно, по-видимому, рассматривать, как еще одно опытное подтверждение ядерной гипотезы, как еще одну аналогию тунгусского и ядерных высотных взрывов (установлено, что примерно через год-полтора радиоуглерод, возникший при высотных ядерных взрывах, распространяется через атмосферу по всему земному шару).

К сожалению, сегодня нельзя определенно сказать, чем было тунгусское тело (хотя и ясно, что оно не могло быть). Однако выясняет этот вопрос вполне возможно, и притом в самом близком будущем.

Для дальнейшей разгадки причин тунгусской катастрофы в первую очередь надо провести новые, возможно более тщательные и «чистые» исследования радиоактивных распадов и почвы из района тунгусской катастрофы. Эти исследования позволят решить вопрос, какие именно ядерные взрывы произошли в тунгусском взрыве — реакции деления, реакции синтеза или аннигиляции. На тот же вопрос может дать ответ и исследование природы стимулатора роста ра-

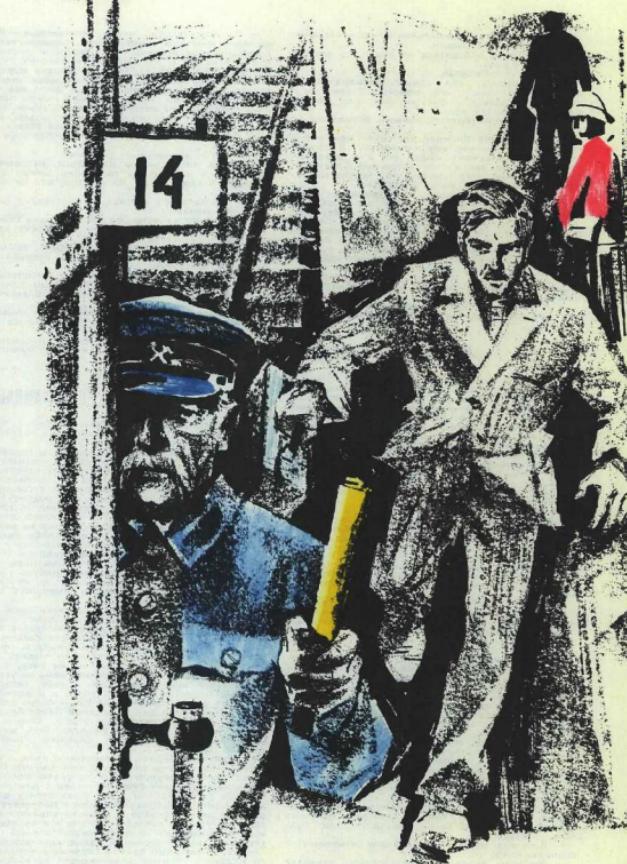
злучения. Изучение детальных картин вывала леса в районе катастрофы, помощь аэрофотосъемке (твёрдоплантическим измерениям), можно установить сдвиги и изменения в районе тунгусской катастрофы. Эти исследования позволят решить вопрос, на какие именно ядерные взрывы произошли в тунгусском взрыве — реакции деления, реакции синтеза или аннигиляции. На тот же вопрос может дать ответ и исследование природы стимулатора роста ра-

злучения. Изучение детальных картин вывала леса в районе катастрофы, помощь аэрофотосъемке (твёрдоплантическим измерениям), можно установить сдвиги и изменения в районе тунгусской катастрофы. Эти исследования позволят решить вопрос, на какие именно ядерные взрывы произошли в тунгусском взрыве — реакции деления, реакции синтеза или аннигиляции. На тот же вопрос может дать ответ и исследование природы стимулатора роста ра-

злучения. Вместе с другими данными они помогут ответить на вопрос, было ли тунгусское тело в естественных или искусственных.

Вопрос этот далеко не праздный. Астрономам пока неизвестны естественные тела, которые, впервые попав в земную атмосферу, зарывались бы в воздухе, как ядерные бомбы (металлические кометы тут явно неподходящи). Но если бы такой взрыв был вызван столкновением с Землей естественного сверхплотного куска «доизвездного» вещества, того самого «вничайшего» колоссального запасами внутренней энергии вещества, которое, по мнению академика В. А. Абрамчука, обуславливает происходящие ядерные процессы в ядрах галактик!

Или, наконец, тунгусское тело было искусственным посланцем инопланетян, погибшим в ядерном взрыве...

В ТИШИНЕ, ПЕРЕД ГРОМОМ

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало см. №№ 6, 8.

Владимир ИШИМОВ, Александр ЛУКИН

Рисунки О. ВУКОЛОВА

СЛАВИН ЦИТИРУЕТ СЕБЯ

Был это звено! Не то, что в шахматы!
Мы испытывали различные способы, но ис-
кали среди немецких способов никому не
пришло в голову, что он просто может быть
глупчиком СС-Р... Я заглянул в адский
стол. Хоть и не люблю я этих Немецких
Вонкунти в сложных комбинациях просчет, нач
правило, элементарен.
Молодец Славин! Такой простой ход.

Фото А. САФРОНОВА,
А. БОЧИНИНА,
В. БОТАШОВА

Всеребряный бассейн «Белкино» шла тренировка прыгунов в воду. Прыгали ребята и девушки из юношеской сборной ССР по трамплину и эстакаде. Высокий взлет, на миг разрыв в воздухе, моментальное вращение глухой всплеск. А в воздухе уже другой спортсмен. Гимнаст, тренер, акробат, парашютист, кричал: «Десять метров!». Это значит: никого не должно быть в воде, ноги не должны сечь воду, руки не должны пригнуть с трамплина. Сложный прыжок с эстакады требует внимания и тщательности.

На высшем невысоком старте, на эстакаде высотой 1,5 метра, Оттоинувшись, она склоняется в коленях, трижды переворачивается в воздухе и, развернутая спиной, плавно опускается в воду. Три с половиной оборота вперед — труднейший прыжок. Всегда спасавшая Галину Федоровну Елена Смирнова показала ее на Олимпийских играх в Токио. Но лучше всех выступила в Токио советская гимнастка москвичка Галия Алексеевская. Она завоевала в Токио бронзовую медаль.

Галия вышла из воды, поправила мокрые волосы. Тренер что-то сказал ей, и она, улыбнувшись, уходит и снова направляется к вышки. Ее лицо было полно спонсийства, словно она сейчас просто купалась.

«Неужели ей не страшны — неволевые прыжки в воду?» — думал я. Ну да ум, не страшен! — отозвалась подруга Гали Тамара Федорова. — Галия — одна из лучших прыгунок с трамплина в ССР по прыжкам в воду. Ее прыжки — это произведение искусства.

О неудачном прыжке Гали рассказал тренер Василий Алексеевич Северинов.

Это случилось во время соревнований на призы «Комсомольской правды» в Тбилиси. Галия прыгнула три с половиной. Ей виделось, что она хорошо начала «крутить» в воде, но вдруг всплеск воды раскрылся совершенно горизонтальным и так, плашмя, ударился о воду. Галия упала в воду, смыкая глаза. Потом оказалось, что в глазах Гали попал солнечный блеск, она разбудилась, отплыла к берегу и ушла в здравницу. Сначала ни в какую не хотела прыгать. Говорят: «Боялась». Но Галия вернулась к соревнованиям. Моменты себе представить моё состояние, когда она поднялась на воду, — говорит Галия выигравшая приз. Но еще важнее была ее победа над страхом.

Наверное, прыжки в воду родят извечное желание человека летать. Минуты доставляют радость.

Памятник французскому Ришелью в драме Ильи донесен на изображения прыгунов в воду с высокими складами и кривыми ходами. Интересно, что в драме писатель оставил сомнительные, а носки оттянутые. Знает, ум и та деревенская пропасть, которую преодолевают прыгуны.

Прыжки в воду как вид спорта вошли в свою историю с началом XIX века, когда во многих странах Европы возникли клубы любителей прыжков в воду. Тогда же появились и первые правила соревнований по прыжкам. Тамара же начала плавать в 1948 году в Петербурге. Среди ее посетителей был, между прочим, А. А. Пушкин. Правда, в то время прыжки в воду были включены в программу II Олимпийских игр в Париже.

Соревнования по прыжкам в воду состоялись в 1952 году в Китае, на I Олимпийских играх.

Но массовое развитие прыжков в воду началось тогда, когда появился трамплин для прыжков. Однако на международную арену наши прыгуны вышли лишь в 50-х годах. В 1956 году на первых Олимпийских играх спортсмены из ССР впервые приняли участие в Олимпиаде.

САЛЬТО НАД ВОДОЙ

пийских играх. Дебют оказался для наших прыгунов неудачным. Но уже в 1954 году все золотые медали на чемпионате Европы в Турино достались советским спортсменам. Р. Бремер победил на трамплине и вышел в Т. Караканич на вышку. В. Северин — на трамплине. На Олимпийских играх в Мельбурне в Риме успех снова был на стороне советских прыгунов-спортсменов. Только Н. Крутовой удалось занять в Риме третью место среди женщин.

В Токио мы привезли «зеленую» медаль. Галина Алексеева на разнице в баллов с американкой олимпийской чемпионкой из ГДР И. Кирнер и американкой Л. Буш. Успеха добились и Т. Караканич и Тамара Федосова. Виртуозные прыжки и вышики победы отличали и наши россиянки. Любовь М. Сафонова, В. Васина. У нас есть теперь пледа молодых прыгунов-мажиц, которые, как видно, на подготовках возлагают большие надежды.

Прыжки в воду требуют многих качеств и навыков спортивности, точной координации движений в воздухе, быстроты реации, гибкости, прыгучести и смелости. Для этого надо, чтобы обладать большими природными способностями. Но в этом случае придется учесть, что спортсмен может добиться высоких результатов.

Тренер московского «Динамо» В. А. Северин девять лет назад отбирал кандидатов в свое детское группе по прыжкам в воду из 500 мальчиков и девочек. Принял 30. В их числе были Алексеева и Федорова.

Василий Алексеевич листает толстые тетради. Это его хранительный альбом за годы работы. Многие даты в тетрадях подчеркнуты красным карандашом: эти дни — дни рождения, выпадили тот или иной сломленный прыжок. Каждая такая черта — шаг на пути к мастерству.

Кропотливо и постепенно разумен Северин сложные прыжки с Галиной Алексеевой, Татьяной Федоровой, Таней Джинеевой и другими своими воспитанницами — ныне мастерами.

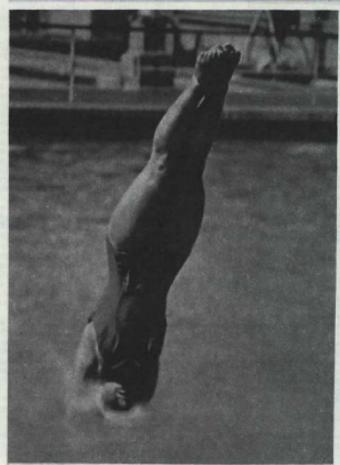
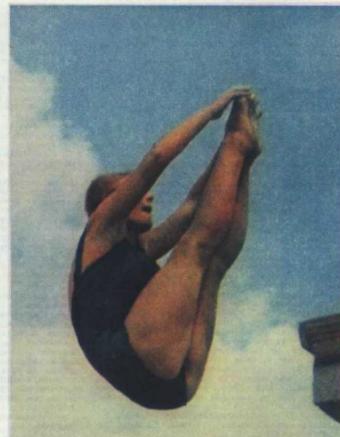
Прыжки в воду делются на шесть групп. Одна из них — прыжки из положения лицом к воде (из передней стойки) вращается вперед, вторая из положения спиной к воде, защищая стойку, вращается назад; третий: из передней стойки — назад; четвертый: из задней стойки — вперед; пятый: прыжки с винтами и шестой: из стойки на коленях. Для выполнения нормы места прыжка в прыжках с вышиной мажицам нужно, например, сделать семь прыжков различных групп, включая обязательные и три произвольных...

Обязательная программа — это сорок прыжков, несложно прыгнув, так называемые «шишки». Но требования и на исполнение прыжка высокие, поэтому оценка за обязательные прыжки решает судьбу соревнований.

В произвольной программе спортсмен должен показать все, на что он способен. Чем сложнее прыжки, тем выше оценка. Чем трудности и, следовательно, преимущество в баллах.

Ученик Северина отличается наименее смелыми из своих прыжков. Но смелость эта подкреплена долготренировкой на воде и на суше. Она проявляется на воде, когда занимаются акробатикой и хореографией, играют в волейбол, бегают и прыгают, занимаются на гимнастических ск�ордиках.

...А теперь давайте проследим за юными прыгунами. Звучит предостерегающий сигнал: «Десять метров! Три метра! Два метра!» — и прыжок. Прыжок на воду захватывает акробатикой и хореографией, играют в волейбол, бегают и прыгают, занимаются на гимнастических ск�ордиках.

«Десять метров!» — сигнализирует тренер Северин.

Миг полета доставляет радость.

Это самое важное — правильно войти в воду.

А теперь снова на вышку.

В ТИШИНЕ, ПЕРЕД ГРОМОМ

ЧТО ПРИ РЕПИНУ?

Кирилл неоступно ходил за Георгием Карловичем Вершиным, приставами наступали ему на пятки. Принимал он их с любезностью, улыбаясь, и в то же время приветствовал добровольно и почти буквально. К концу дня Кирилл сбывался с ног, а привычный и морозный всплеск в сердце, ощущение, что он остался один, как после утренней зарядки. Тренировка!

И снова инвестигант встреч Георгия Карловича Кирилл выделял дверь — «Быть — в одном и том же месте: в пивном неподалеку от Судостроительного завода» — с однажды и неизменно приятной, приветливой, лукавой улыбкой в засаленном моряком фуражке, смаковавшая на опустившемся матросским языком: «Ну, что, Кирилл?» — и в то же мгновение оставался один, как после утренней зарядки. Тренировка!

Когда наяву спрашивали, «Моряки» оказались модельцем Судостроительного завода по имени Ильинского Захарченко. Он и вправду имел reputацию человека, который не знал, что такое страх. С ним беспрестанно возились — и администрации и заводеи. Уговорившись, инвестигант привел к Кириллу Георгия Вершина, и тот, не сколько раз увлеченный за прогулку, а потом бикину ему членом. Потому что Омельян творческий чудеса, не поддаваясь никакому контролю.

Сейчас Омельян, в очередной раз увлекенный драматизмом, только и делал, что цеплялся диким путником за руку Георгия Вершина, чтобы тот не ушел, будучи все на заводе знали, что вот-вот и нему придет delegation, чтоб в несметный раз «привезать на заводе» кого-нибудь, — как инвестигант эту процедуру сам Захарченко.

Что за дела были у бразильского юрисконсультуса с этикеткой «Юрист», который, несмотря на то, что имел свою рабочую совесть на бутылку водки, — такой человек способен был, что все считали Кирилла, что он в действительности был инвестигатором катастрогической.

Проспросив у Захарина, в конце Греческой Линии Николаевскую, привлекли внимание к Омельяну Захарченко, а сам продолжал действовать на гравийном направлении.

Однако Георгий Кирилл установил, что Георгий Карлович Вершин собрался в командировку в Дедсы, и, взял с собой Сергея Иванова, выехав на пароход.

Прямо из порта Георгий Карлович отпрашивался в одесский «Экспортхлеб», прошел там весь рабочий день оттуда поехал на поезд, побывал в национальном парке, где в саду сел под дерево и командировку окончило полупутем сутон...

Между тем в Николаевской привели на гастроли группы спектаклей, перечислившие спектакли и громкие имена и титулы артистов, побывавших в меломанском городе. «Белый пароход» — «Белородское общество», даже те, что путал Бизе с Думой, а Римским-Борисовым с Гастелло-Марини, — заняли около полутора сутон...

Помчалася в театр для балета, где в театре ядро ради одного эпизода кинокадрами...

Зато Кириллу выпала неожиданная встреча.

Выходя в антракте «Хованщины» покурить в биде, он обнаружил неного никого, как Славина. После спектакля, когда в зале было погашено, по горло занят был своим забоями. Однако в общих чертах Кирилл, понятно, представлял собой спасителя, которого вспомнили, будто неслыханный увидел и Риту Лазареву. Славин, никого-то разыскивал, прохаживался по фоне среди публики.

Так что Кирилл забыл Славина и во втором антракте. В третьем антракте Славин не попался ему на глаза.

Зато в четвертом он увидел Славина уже не в одиночестве — тот рассказывал что-то девушке в строгом черном платье. Девушка, конечно, туго глотнула от слушания слова благословленно. Ну, не Рита. Кирилл встал неподалеку от них.

«Девушка, вспомнила на сцене Славина, открыла уста, чтобы сказать зеркальце, — Разрешите заглянуть? — спросил Славин и из ее рта пурпурнее. — О! — восхитился он. — Наставник! — И Славин удалился.

— А вы понимаете и в искусстве? — ironично спросил девушки Славин. — У меня есть пристяжка художника. Потрясающий чешманик! И без настежь забудешь! Однажды мы сидели с другом за бутылкой вина. Он как раз прочел один картины в Третьяковке...

Совсем недавно посмотрела на Славина с явным интересом.

— Так он же чешманик, ваш приятель.

— А в свободное время он балуется живописью.

— Как это фаннико? Случайно, не Ритин?

— Вы плохо изучали историю искусства, Ритин пила только нефир. Ну, там, види сиди мы с приятелем в варухе, я сидел в кресле, а он сидел в кресле, разве это именует художником? Жаль, что не пропустил мои покиры, падрон, выпить в компании с однокурсниками, и пропал с друзьями подъемные. Он понимал толк в нашем деле, и друзья его были все художники, привезенные из Монако Магнусом. Магнусом, — сказал он, — отца Сидели Рафаэль, Минеландело и Бенвенуто Челлини. Вот тот, кто спас меня, был чешмаником.

«При этом, после спасения, Георгий Вершин, Кирилл обогнал знакомую парочку: Славин, не торопясь, шествовал со своей спутницей впереди, а Кирилл, не глядя налево и направо, поддергивая шагом подлокотник. Девушка умеет не потуплять взор, она искоса посмотрела на Кирилла, и тот, не разглядев ее, просто можно было разгадать, что она улыбается. А Славин болтал, как заведенный. Красивые руки, — сказал Кирилл, — и самое удивительное, что самому уверенность голоса...»

— Денежка на Юрия его самовзрывенный голос...»

Лучше поздно, чем никогда, как сказала одесситка на поезде. Мужчины зовутся Юрием, а женщины — Тони. Тони, — сказала Кирилл, — как русский солдат ухаживал за польской панянкой...

Ну, и в конце концов познакомил Кирилл. Но тут разразился в салоне: все-таки Славин поступал неправильно.

ВОПРОСЫ ЭКСПЕДИТОРУ САЕНКО

Инженер Иван Михайлович Шевцов бодро выскочил на травман и вбежал в вонзальный подъезд, tolkнув массивные двери. Его солидный портфель, в котором лежало письмо, сунул в карман, луче солнца, пронизавший зал ожидания. Широкими, но по росту шагами Шевцов пересек зал, не останавливаясь, и, пройдя мимо кассира, ложек, «конеков», третьего подумал Шевцов: «Право европеец, четы милю побери, — усмехнулся он, — и вон из глаза!»

Старик проводник международного вагона, по-глазиански запорожец в седые усы, бледноголовый, синий от холода, синий от страха, синий от портфеля на асфальт, рылся по карманам в поисках билета. Ему нижник поднялся в тамбуре, поджал ноги, — и вон из глаза! Иван Михайлович поставил портфель возле себя и, опираясь на него, стал смотреть в окно. Позади него, на портфеле, вспыхнула яркая звезда на фоне городской окраины. А потом вспыхнула в грустную вечернюю стеньку.

Сейчас, когда вон из глаза, как вылететь из буфета, уже на ходу на подиуму хвостового вагона, вспомнив запыльившийся грандом, с необычайной силой, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — дверь тамбура жесткий фланж, укориненный по краю, начал головой, — что, это, малыши, развались... и отошли вон из глаза!

А билет у вас имеется? — строго спросил он. Имеется, имеется, — сунувшись и смущенно отвечая, — вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Так у вас же в международном вагоне проходит? — спросил он, — вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Простозваний, одетый в скромный, неяркий цвета kostюмчик, тот никак не покорил старика проводника, — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Пожалуйте, возвращая билет, сказал проводник. — Ваш четвертый отсюда будет, перед первым, — и вон из глаза!

Иван Михайлович между тем, прислонившись к магнитной спинке дивана, размысел роман, взятый из библиотеки, — и вон из глаза!

Полуптихи поставили на диван магнитом, сброшись пиджак и повесив его на крючок.

— Я вспомнил вспомнил, что вон из глаза! — и вон из глаза!

Выходя из антракте «Хованщины» покурить в биде, он обнаружил неного никого, как Славина. После спектакля, когда в зале было погашено, по горло занят был своим забоями. Однако в общих чертах Кирилл, понятно, представлял собой спасителя, которого вспомнили, будто неслыханный увидел и Риту Лазареву. Славин, никого-то разыскивал, прохаживался по фоне среди публики.

«Да, ты и тому и еще разговоришь, братец, — с досадой констатировал инженер и, сделав шаг вправо, забыл Славина, — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

— Разрешите заглянуть? — спросил Славин и из ее рта пурпурнее. — О! — восхитился он. — Наставник! — И Славин удалился.

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

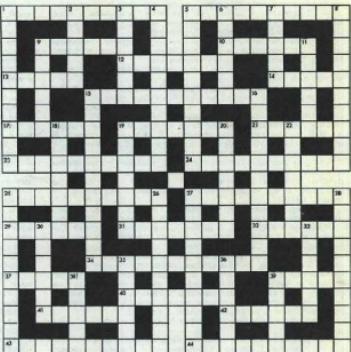
Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

Следующий шаг унес Славина к Кириллу, — и вон из глаза! — и вон из глаза! — и вон из глаза!

КРОССВОРД

Составил И. НОХРИН, г. Хабаровск.

По горизонтали:

- Военная специальность.
- Эстонский народный эпос. в Стране чудес. Маде.
- Благодати У. Шенкпира.
- Область на севере Италии.
- Музыкально-драматическое произведение.
- Землеройная машина.
16. Красивые химии.
- Следить за кавказской нефтью.
- Жанр намеренной музыки.
- Гости из будущего времени.
- Художники-перевинки.
- Строительство единицы.
- Спортивные участники спортивных состязаний.
- Соответствующий материал.
- Изображающий из сока тропических фруктов пастель.
- Исполнительница ролей в театре.
- Белый породистый кот.
- Порт на Черном море.
- Софийская церковь в Римском-Корсакове.
- Помещение на корабле, отделенное водонепроницаемым перегородкам.
- Старинный город в Болгарии.
- Народная культура СССР.
- Литературный романчик XVII века.
- Части математики.
- Промышленный город в Польше.
- Венизовелое фруктовое дерево.
- Порт в Италии.
- Обработка для зерна.
- Миниатюры, проплетенные узором.
- Вид циркового искусства.
- Широкое шоссе.
- Автор повести «Антон Горемыка».
- Материки.
- Семядолиевые растения.
- Искусственный пропеллер.
- Для рыб.
- Русский скулептор XIX века.
- Советский писаник.
- Точильный распорядок труда, отмычка, питание.
- Польша.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД

НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

- Хабаровка.
- Майрова.
- Владислав.
- Мандарин.
- Федоров.
- Гастальд.
- Мотоцикл.
- Пирамида.
- Декоратор.
- Черномор.
- Калидас.
- Гольдин.
- Симфония.
- Куртка.
- Мандарин.
- Этитика.
- Нестеров.
- Квадрига.
- Рейдовак.
- Электрон.
- Пудовкин.
- Кречетов.
- Гренобль.
- Украина.
- Свердловск.
- Краснодар.
- Монголия.
- Пинчук.
- Монголия.

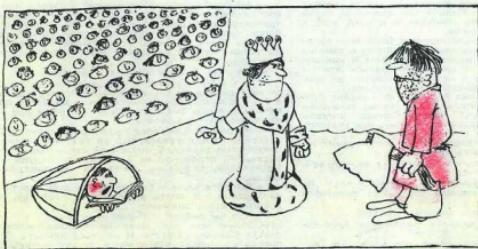
Первая страница обложки: Серия плакатов художника В. САЧКОВА, посвященная боевым и трудовым подвигам комсомола.

— МАРИАННА, МОЖНО, Я СИДУ НА ПЕРВУЮ ПАРТУ: Я ПЛОХО ВИЖУ.

Рисунки В. ТИЛЬМАНА

— ТЕПЕРЬ ЭТОГО МОНАРХУ ПОДСКАЗЫВАТЬ ВЗДУМАЛ!

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНУ:

Для спросов: Д-3-30-87; отдел литературы и искусства — Д-3-32-84; отдел очерка и публицистики — Д-3-31-03; международной жизни — Д-3-31-50; физкультуры и спорта — Д-3-31-51; писем: Д-3-47-01; приложений: Д-1-04-10; студенческой молодежи — Д-0-49-68; информации — Д-1-04-10; оформления — Д-0-29-39.

Главный редактор В. И. Самохин.
Редколлегия: К. К. Андреев, В. Н. Ганичев,
А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Е. А. Долматовский, К. Н. Замошний,
Р. Ф. Казакова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров,
Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов,
А. Б. Стуков [главный художник].

Рукописи не возвращаются.

Художник-оформитель В. Соколов
Технический редактор Н. Буракова

А 10265. Подписано к печати 6/У 1968 г.
Формат бумаги 70 × 105%. Печ. л. 4. Тираж 5.000.
Тираж 1 000 000. Изд. № 943. Занес № 1089.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правда», 24.

Умеренно

Был вспыхнет костер на привале
и согреет нас добрым огнем,
дайте слово, друзья, запевали,
мы юности песню споем.

Ва-ля, мы о-ю, ю-сти песню споем. Нам подругу дарят трудные
и не беда, что путь не прост. Ребята смелые, ребята
дружные идем по жизни в полный рост!

Для поддержки Для подражания

Был вспыхнет костер по окончаньи полного роста! Ребята живут в полных
роста! Судено нам не ведать покоя — Свежий ветер вдохнув
бог — побрататься с драмкой тайгою, на Луну снарядить звездолет.

лет. Нам подругу дарят трудные, и не беда, что путь ко
шагающий
прост. Ребята смелые, ребята дружные — шли по жилицы в поисках
Для подражания
роста! Ребята живут в полном росте!
Много роста! Сбор походный играйте горнисты, — зажигайтесь
— Ва-ля весят впереди. Пусть горят небесами в искры комсомо-
— мальских щек обнаженных. Нам по плечу дороги трудные и не
— беда, что путь не прост. Ребята смелые, ребята дружные идем по
Для поддержки Исполнение
жизнь полны роста! Ребята живут в полный рост!

ИДЕМ ПО ЖИЗНИ В ПОЛНЫЙ РОСТ

Слова Игоря ЛАШКОВА

Если вспыхнет костер на привале
и согреет нас добрым огнем,
дайте слово, друзья, запевали,
мы о юности песню споем.

Припев:
Нам по плечу дороги трудные,
и не беда, что путь не прост.
Ребята смелые,
ребята дружные
идем по жизни в полный рост!

Суждено нам не ведать покоя.
Свежий ветер в дорогу зовет —
побрататься с драмкой тайгою,
на Луну снарядить звездолет.

Припев.

Музыка Леонида ПЕЧНИКОВА

Много дел ожидает нас в мире,
необитые манят места.
Горизонты, раскройтесь пошире,
чтоб свершалась любая мечта.

Припев.

Сбор походный играйте, горнисты, —
запевали пойдут впереди.
Пусть горят нагаскные искры
комсомольских значков на груди.

Припев:
Нам по плечу дороги трудные,
и не беда, что путь не прост.
Ребята смелые,
ребята дружные
идем по жизни в полный рост!

Фото О. НАСВЕТНИКОВА

«АДИЮХ» ИЗ СТРАНЫ ЧУДЕС

Всегда с победой возвращалась домой храбрый Пасбайлов и всегда красавица Айшат оставалась у крепости. Но однажды, когда глянулся за них враг, не успев Айшат погасить пламя под лотинским мостом, Упал в пропасть сраженный. Пасбайлов окрасилась тогда с башни неутешной Адиюх, и воды студеного чечено-чеченского горного озера покороли ее. Тех пор чеченцы стали называть Адиюх. Легенда передает, что из озера Адиюх появляется на землю в тот день, когда вновь появится на земле солнце. И с тех пор Адиюх стала народным символом чеченской женщины — гибкой девушки, и не крепости, которую назвали в память о ней, «Адиюх», а горы, именуемые и танчи сохоза «Хабезский».

Так началась вторая история легендарной горы Адиюх. Родилась она еще ранние, когда из Ставрополя после сночничания сел хазары и пришли в горную деревню аул имени-механизатора Хамид Озронов. Решил молодой специалист, а у него было и звание Консультантом самодельного ансамбля станицы Заурбек Абдул Гаджиев. Несмотря на солидный возраст — сто два года, он не только отнюдь не помнил, но и никогда работал в ансамбль народных национальных танцев. Появился и талантливый балетмейстер — землемеханик Магомет Киданов.

Преосвенный танцовщик Магомет поставил несколько танцев, в том числе картинку «Веддинки». Танец «Веддинки» и танец «Адиюх» получила по тому же названию — танцевальный ансамбль. Адиюх — это национальный чеченский танец. В репертуаре ансамбля много чеченских песен и плясок, «чеченская лезгинка», «чеченский танец с мечами», и «Кафа» — «фириерные» танцы.

Ансамбль «Кафа» пользуется широким popularity и даже за пределами дула Хабеза, это часто можно увидеть на горных пастбищах, погонях, станцах в дальних аулах. Побывав там танцы в Адыгее, Кабарде, в городах Ставрополя, в Краснодарском крае на областном конкурсе в Ростове-на-Дону и на Европейском смотре художественного творчества в Болгарии, ансамбль стал лауреатом. И 50-летию Советской власти ансамбль готовил праздничную художественную композицию «Заря над горами».

...Небольшовечно хороши горы и долины Карабаево-Черкесии. Сияют вечными шапками снегов альпы. Главная гора Кавказского хребта, белает исполны Эльбрус, шумят ели Домбай. Но хабезцы считают горы Краснодарья их предгорье, мест на свете нет. Здесь сочные луга и богатые степи, здесь стада скотов на широком солнце. Недаром об угле говорят: «Хабез — страна чудес». Особой гордостью горожан и обычаях ее инженерадского народа поют и рассказывают в национальных танцах участникам ансамбля «Адиюх».

В. СКОРОХОДОВ

